

23 (02) 401
C-56



СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
ТЕОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ

**СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
ТЕОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ
ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Москва · 1980

Обзор подготовлен в Отделе капиталистических стран
Европы и Северной Америки

Автор обзора – кандидат экономических наук
ЛИВШИЦ А.Я.

Ответственный редактор – кандидат экономических наук
БОРКО Ю.А.

В подготовке обзора к печати принимала участие
ЛЬВУНИНА К.Ю.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	5
1. Маржиналистская теория экономической политики . .	5
Функция социального благосостояния	6
Принятие коллективных решений	18
"Общественные товары"	36
"Внешние воздействия"	46
Государственные финансы	55
2. Неокейнсианская теория экономической политики . . .	63
Основная модель Я.Тинбергена	64
Целевая функция	77
Кривые Филлипса	87
Фактор времени	99
3. Политическая концепция монетаризма	106
Заключение	120
Список литературы	124

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивное развитие государственно-монополистического капитализма, расширение и усложнение экономических функций буржуазного государства являются объективной основой интенсивной разработки общей теории экономической политики.

Современное состояние теории политики показывает, что ее основные свойства обусловлены эволюцией буржуазной политической экономии в целом. Одна из важнейших методологических черт этой эволюции заключается в делении предмета и в значительной степени метода экономической науки на сферы микроэкономики и макроэкономики, теоретическую базу которых составляют воззрения неоклассиков и кейнсианцев. Поэтому, во-первых, не существует единой буржуазной теории экономической политики, во-вторых, ни одно из научных направлений не дает законченной системы суждений вследствие искусственного деления предмета на две части и применения противоречащих друг другу систем категорий и методов анализа.

В настоящее время сформировались два главных направления, в которых концентрируется изучение общих проблем экономической политики. Первое из них можно считать маржиналистской теорией, так как в нем превалирует методология маржинализма – одного из ответвлений неоклассической теории. Второе направление – неокейнсианская теория экономической политики. В обоих направлениях анализ политики равнозначен поиску теоретического обоснования оптимальных политических решений.

1. МАРЖИНАЛИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Теоретическую базу современной политической концепции маржинализма составляют разработки кембриджской школы,

лидерами которой являлись А.Маршалл и А.Пигу, концепция функции социального благосостояния и оптимума В.Парето и концепция "демократического коллективного выбора" К.Эрроу. В буржуазной политической экономии эту теорию называют "теорией благосостояния" (welfare economics).

Концепции, входящие в "теорию благосостояния", представляют собой политические разделы маржиналистской теории рыночного равновесия. Эта теория построена на крайне абстрактном уровне, и столь же абстрактны политические концепции маржинализма. В маржиналистской теории дается лишь общая оценка необходимости государственного регулирования экономики, целей экономической политики, методов и форм ее осуществления.

Маржинализм XX в. не имеет в своем активе единой теории экономической политики. Поэтому "теория благосостояния" представляет собой совокупность экономико-политических концепций, относящихся к различным общим маржиналистским теориям и не всегда связанных друг с другом.

Ее внутренняя структура обусловлена границами предмета, определенными маржиналистами, и их решениями некоторых универсальных проблем экономической политики. К числу таких проблем и соответствующих решений следует отнести: 1) целевые ориентиры экономической политики (функция социального благосостояния); 2) правила формирования этих ориентиров и методы их достижения (принятие коллективных решений); 3) причины, определяющие необходимость экономической политики и ее формы ("общественные товары" и "внешние воздействия"); 4) общие принципы практической реализации теории (концепция государственных финансов).

Функция социального благосостояния

В основе концепции функции социального благосостояния лежат традиционные установки классической теории: модель рационального индивидуального поведения, атомарная структура экономической системы, отождествление идеального экономического развития с неограниченным действием рыночного механизма, отношение к государству как к организации, спо-

собствующей созданию условий для оптимального функционирования этого механизма.

Содержание модели рационального поведения субъекта экономической системы заключается в том, что каждый ее участник стремится оптимизировать свое благосостояние, добываясь максимума выгод при минимуме затрат и руководствуясь при этом исключительно субъективными оценками параметров собственного благосостояния, т.е. индивидуальными функциями полезности. Параметры описываются с помощью таких маргиналистских категорий, как предельная тягость производственных услуг, предельная полезность товаров и т.п.

Функция социального благосостояния выступает тогда как отображение на уровне народного хозяйства индивидуальных функций полезности, как результат их агрегирования.

Хотя впервые понятие функции социального благосостояния было введено профессором Гарвардского университета А.Бергсоном в начале 30-х годов, ее первым историческим вариантом была функция Кембриджской школы. В ней социальное благосостояние полагалось равным сумме оценок индивидуального благосостояния, и условия максимума этой функции определялись с помощью системы частных производных.

Перестройка кембриджской функции была проведена В.Парето, суждения которого, особенно в теории коллективных решений, оказывают сильное воздействие на современный маржинализм. А.Бергсон в "Очерках нормативной экономической теории" отмечает, например, "выдающийся вклад" Парето в мировую науку (6, с. 195), а профессор Корнелльского университета Р.Толлисон в книге "Теория общественного выбора" считает концепцию Парето методологической основой всей современной политической концепции маржинализма (73, с. 5).

Роль Парето в развитии концепции состоит в том, что он, во-первых, отказался от суммирования индивидуальных оценок полезности (одного из слабых звеньев кембриджской теории) и представил социальное благосостояние как функцию индивидуальных оценок благосостояния; во-вторых, ввел понятия роста и максимума социального благосостояния (критерий Парето).

$$W = W(U_1, \dots, U_g, \dots, U_{s_k}) \quad (1.1)$$

$$U_g = U_g(X_g^i, V_g^j), \quad (1.2)$$

где W - функция социального благосостояния Парето;
 U_g - индивидуальная предельная оценка экономической
 i деятельности;
 X_g - i -тый товар, потребляемый индивидом d (положитель-
 j ный фактор благосостояния);
 V_g - j -тая производственная услуга, выполняемая инди-
 g видом g (отрицательный фактор благосостояния).

В соответствии с концепцией Парето если любое изменение в распределении ресурсов увеличивает благосостояние минимум одного человека без снижения благосостояния всех других людей, такое изменение увеличивает социальное благосостояние, т.е.

$$\frac{\partial W}{\partial U_g} > 0. \quad (1.3)$$

Согласно Парето, функция социального благосостояния достигает максимума, когда невозможно перераспределение ресурсов, не ухудшающее благосостояние минимум одного индивида.

Если рассматривать критерий Парето в контексте экономической политики буржуазных государств, которые, по мнению маржиналистов, принимают решения, направленные на увеличение социального благосостояния, то его социально-экономический смысл таков: допустимы любые решения, способствующие росту благосостояния одних социальных групп и не ухудшающие благосостояние других групп. Тем самым критерию Парето соответствует экономическая политика, связанная с перераспределением национального дохода в пользу буржуазии, если при этом остается постоянным уровень доходов трудящихся. Это означает, что фундаментальный принцип современного маржинализма отвечает экономическим интересам правящих классов буржуазного общества.

Важное методологическое значение имеют допущения Парето. Они представляют собой систему аксиом, определяющих, по мнению Парето, рыночную экономику и позволяющих создать множество индивидуальных функций полезности, а также функцию социального благосостояния. Набор предпосылок включает в себя измеримость всех предельных характеристик индивидуального благосостояния, фиксированный характер всех факторов

производства, кроме труда, условия совершенной конкуренции на всех рынках, отсутствие "внешних воздействий" и "общественных товаров" и т.д.

С одной стороны, аксиомы Парето показывают, что применение аппарата маржинализма к изучению экономической политики неизбежно ведет к построению нормативных моделей, описывающих идеальный мир: максимизация функции социального благосостояния допустима лишь при соблюдении предпосылок, каждая из которых не имеет реального аналога. Тем самым теория Парето имеет догматический характер, она находится на значительном расстоянии от реальной экономической политики капиталистических государств.

С другой стороны, аксиоматика Парето дает представление о маржиналистской версии целей экономической политики.

В функции социального благосостояния нет действительных целей, таких, как экономический рост, стабильность цен и т.п. Она лишь показывает, что маржиналисты считают свободную рыночную экономику идеальной хозяйственной системой и, следовательно, расценивают экономическую политику как средство, позволяющее достичь этого идеала. Тем самым аксиомы Парето превращаются в косвенные целевые ориентиры экономической политики.

По мнению маржиналистов, она должна быть направлена на поддержание системы предпосылок, описывающих рыночную экономику. Политика становится оптимальной, когда все эти предпосылки выполняются, т.е. когда имитируются свободная конкуренция и другие свойства рыночной экономики.

Эта оценка существенна, ибо современные варианты функции социального благосостояния в большинстве своем являются разновидностями функции Парето.

Современная эволюция функции Парето проходит под знаком усложнения, включения новых микроэкономических параметров индивидуального благосостояния. Самым развитым вариантом ортодоксальной функции Парето является функция Бергсона (6).

$$E = E(x_1, y_1, a_1^x, b_1^x, a_1^y, b_1^y, \dots, x_n, y_n) ,$$

$$a_n^x, b_n^x, a_n^y, b_n^y, C^x, D^x, C^y, D^y), \quad (1.4)$$

где E - функция социального благосостояния Бергсона;

X_i ($i = 1 \dots n$) - индивидуальное потребление товара X ;

Y_i - индивидуальное потребление товара Y ;

a_i^x - индивидуальные затраты труда вида a при производстве товара X ;

b_i^x - индивидуальные затраты труда вида b при производстве товара X (аналогичный смысл имеют переменные a_i^y и b_i^y);

C^x, D^x, C^y, D^y - вклад двух нетрудовых факторов производства и выпуск товаров X и Y .

Функция социального благосостояния Бергсона достигает максимума тогда, когда ее полный дифференциал равен нулю:

$$dE=0. \quad (1.5)$$

А.Бергсон дает подробную трактовку условий максимума функции E . Он отождествляет их с условиями равновесия рыночной системы.

Первая группа условий:

$$\frac{\partial E}{\partial X_i} = Wp \quad (1.6)$$

$$\frac{\partial E}{\partial Y_i} = Wq \quad (1.7)$$

где W - предельная полезность единицы денежного дохода;

p - цена товара X ;

q - цена товара Y .

Экономический смысл уравнений (1.6) и (1.7) заключается в том, что предельное изменение социального благосостояния в результате индивидуального потребления пропорционально предельной полезности единицы денежного дохода и цене. Вслед за А.Маршаллом Бергсон полагает предельную полезность еди-

нии денежного дохода универсальной категорией, т.е. $W^I = W^Y = W$. Заметим, что равенство W для всех потребителей означает увеличение количества допущений, усиливает нормативность концепции.

Вторая группа условий:

$$-\frac{\partial E}{\partial a_i^x} = Wg^x, \quad (1.8)$$

$$-\frac{\partial E}{\partial a_i^y} = Wg^y, \quad (1.9)$$

$$-\frac{\partial E}{\partial b_i^x} = Wh^x, \quad (1.10)$$

$$-\frac{\partial E}{\partial b_i^y} = Wh^y, \quad (1.11)$$

где g^x - плата за труд вида a , затраченный при производстве товара x ;

g^y - плата за труд вида a , затраченный при производстве товара Y ;

h^x - плата за труд вида b , затраченный при производстве товара x ;

h^y - плата за труд вида b , затраченный при производстве товара Y .

Из условий (1.8) - (1.11) следует, что предельное сокращение благосостояния вследствие индивидуальных трудовых затрат должно компенсироваться платой за труд с учетом предельной полезности единицы денежного дохода, т.е. предельной полезностью совокупного денежного дохода.

Полагая, что совокупные объемы потребления товаров X и Y равны объемам их производства и существуют совокупные затраты двух трудовых факторов производства $A^x; B^x; A^y; B^y$, Бергсон выводит третью группу условий максимума "целевой" функции:

$$p \frac{\partial X}{\partial A^x} = g^x, \quad (1.12)$$

$$p \frac{\partial X}{\partial B^x} = h^x, \quad (1.13)$$

$$q \frac{\partial Y}{\partial A^y} = g^y, \quad (1.14)$$

$$q \frac{\partial Y}{\partial B^y} = h^y. \quad (1.15)$$

Экономическое содержание этой группы условий: заработная плата пропорциональна предельной производительности соответствующего трудового фактора и цене.

Четвертая группа условий:

$$- \frac{\partial E}{\partial C^x} = w_p \frac{\partial X}{\partial C^x}, \quad (1.16)$$

$$- \frac{\partial E}{\partial C^y} = w_q \frac{\partial Y}{\partial C^y}, \quad (1.17)$$

$$- \frac{\partial E}{\partial D^x} = w_p \frac{\partial X}{\partial D^x}, \quad (1.18)$$

$$- \frac{\partial E}{\partial D^y} = w_q \frac{\partial Y}{\partial D^y}. \quad (1.19)$$

Смысл данной группы условий аналогичен значению второй группы условий (1.8-1.11): там речь шла о владельцах трудовых факторов, под которыми маржиналисты понимают наемных рабочих и мелких товаропроизводителей, здесь - о собственниках нетрудовых факторов производства, т.е. о предприни-

мателю. Условия четвертой группы показывают, что предельная жертва Зладельцев нетрудовых факторов, выраженная в снижении благосостояния, должна быть пропорциональна предельной полезности единицы денежного дохода, цене и предельной производительности нетрудового фактора, т.е. предельной полезности нетрудового денежного дохода.

Продолжительное время в маржиналистской теории существовал локальный методологический разрыв. Одна группа экономистов специализировалась на изучении реальных мотивов государственной интервенции — "общественных товаров" и "внешних воздействий". Другая группа разрабатывала функции социального благосостояния, в которых этим мотивам отводилась роль допущений, т.е. функция максимизировалась при условии, что "общественных товаров" и "внешних воздействий" не существует¹⁾.

Это очевидное противоречие составило основу "чистой теории государственных финансов и налогообложения" П. Самуэльсона, который в "Экономике государственного сектора" включил в функцию бергсоновского типа индивидуальные оценки предельной полезности отдельно для частных и "общественных" товаров (56, с. 103-104).

После работ профессора Гарвардского университета Р. Масгрэйва, в которых дается более подробная классификация "общественных товаров", в частности появляется такая их разновидность, как "квазиобщественные товары" (*merit go-*

¹⁾ Категория "общественный товар" используется маржинализмом для объяснения распределения "услуг", предоставляемых буржуазным государством с помощью налоговой и бюджетной политики. Под "внешними воздействиями" понимаются социально-экономические последствия индивидуальных экономических решений, которые не учитываются рыночной системой и не имеют поэтому денежной меры. Маржиналисты считают необходимым регулирование "внешних воздействий" путем изменения величины и распределения налогов, политики цен и т.п. Более подробно концепции "общественных товаров" и "внешних воздействий" рассматриваются ниже.

ods), возник соблазн еще более усложнить функцию социального благосостояния, внедрить в нее предельную полезность "квазиобщественных товаров".

Например, функция социального благосостояния, построенная американским экономистом К. Розкампом в работе "Общественные, квазиобщественные и частные товары, оптимум Парето и социальный оптимум", имеет следующий вид:

$$W = W(U^1, \dots, U^n; V_{j+1}, \dots, V_r), \quad (1.20)$$

где $U^g (g=1 \dots n)$ - индивидуальная функция полезности частных, "квазиобщественных" и "общественных" товаров.

$$U^g = U^g(X_1^g, \dots, X_j^g; X_{j+1}^g, \dots, X_r^g; X_{r+1}^g, \dots, X_s^g). \quad (1.21)$$

В формуле (1.21) X_h^g - индивидуальное потребление частного товара вида $h (h=L \dots j)$; X_m^g - индивидуальное потребление "квазиобщественного" товара вида $m (m=j+1 \dots r)$; X_q^g - индивидуальное потребление "общественного" товара вида $q (q=r+1, \dots, s)$.

Функции V можно представить так:

$$V_m = V_m(X_m^1, \dots, X_m^g, \dots, X_m^n). \quad (1.22.)$$

Уравнение (1.22) означает, что социальное благосостояние зависит не только от индивидуальных оценок полезности, но и от социальных оценок полезности индивидуального потребления "квазиобщественных" товаров.

Если определена функция производственных возможностей

$$F = F(X_1, \dots, X_j; X_{j+1}, \dots, X_r; X_{r+1}, \dots, X_s) = 0,$$

то можно найти экстремум функции W с помощью множителей Лагранжа (58, с. 62-64).

В функциях Самуэльсона и Розкампа имеются определенные отступления от функции Парето. Однако, пожалуй, единственная серьезная попытка освободиться от паретянской дог-

матики содержится в концепции социального благосостояния, предложенной известным американским экономистом К. Эрроу.

В отличие от своих паретианских оппонентов, которые по существу строят социальные функции полезности, Эрроу попытался сформулировать функцию предпочтения социальных состояний (*social ordering*)

Если, допустим, в принципе возможны социальные состояния А, В и С, то "демократический выбор", по Эрроу, должен обеспечить построение функции $F = F(A, B, C)$, показывающей, что общество предпочитает состояние А состоянию В, а состояние В – состоянию С. Тогда оптимальной будет экономическая политика, гарантирующая достижение состояния А.

Элементы социального состояния выводятся Эрроу из маржиналистских, микроэкономических представлений о благосостоянии. Это значит, что параметры индивидуального благосостояния (все виды потребительских товаров и услуг, все виды труда, все виды инвестиционных товаров, используемых в производстве, и т.п.), полезность которых может осознать субъект экономической системы, составляют ряд определенных комбинаций. Назовем одну из них a^r , где r – "номер" субъекта. Тогда можно построить индивидуальную функцию предпочтения социальных состояний $F^r = F^r(a^r; b^r; c^r)$, показывающую, что по субъективной оценке r -того индивидуума социальное состояние a лучше социального состояния b и т.д. Именно такие функции подлежат трансформации в функцию социального благосостояния по Эрроу.

В настоящее время сложились три подхода к функции социального благосостояния под углом зрения оптимизации экономической политики.

Первый подход состоит в том, что отклонение реальной экономики от системы предпосылок и условий максимума функций Парето трактуется как ее недостаток, хотя и исправимый. Например, американские экономисты Г. Фромм (Американский университет) и П. Таубман (Уортонская школа экономики Пенсильванского университета) в книге "Теория экономической политики и экономическая политика" считают в принципе достижимой перестройку экономико-политических институтов, обес-

печивающую построение и оптимизацию функций Парето (25, с. 24). В соответствии с этим подходом критерий оптимальности политики заключается в имитации всех условий максимума Парето.

Сторонники второго, более реалистического подхода считают подобные отклонения неизбежными и неустраняемыми. Они по существу отказываются от оптимизации и рассматривают эти отклонения как ориентиры, указывающие цели и формы государственного регулирования. Этот подход наиболее популярен. Как указывают в книге "Теория благосостояния. Либеральная переоценка" известные теоретики маржинализма Ч.Роули (Ньюкаслский университет) и А.Пикок (Йоркский университет), он представляет собой "превалирующую ортодоксию в западной теории благосостояния" (60, с. 18).

Одна из ее развернутых трактовок дана известным американским экономистом, профессором Мичиганского университета К.Боулдингом в "Экономическом анализе" (7). Несовместимость условий и предпосылок оптимума Парето с действительностью воспринимается им не как свидетельство практической непригодности этой концепции, а как показатель большой степени свободы в принятии государственных решений. Боулдинг считает, что если бы существовал эмпирический аналог модели Парето, развитие экономики зашло бы в тупик. Невыполнение каких-то допущений Парето свидетельствует о значительных динамических возможностях государств в проведении политики, улучшающей социальное благосостояние.

Эта позиция отличается сильной внутренней противоречивостью. Эволюция политики, по Боулдингу, должна обязательно включать в себя, во-первых, постоянное принятие только решений Парето, т.е. решений, удовлетворяющих критерию роста социального благосостояния по Парето, а это выглядит явной утопией; во-вторых, обеспечение государства совершенной информацией обо всех субъективных оценках индивидуального благосостояния, что абсолютно невозможно. Фактически это признает и сам Боулдинг, когда отмечает, что реально "почти любая социальная политика улучшает положение одних людей и ухудшает положение других..." (7, с. 632).

Таким образом, Боулдинг подтверждает очевидный факт: реальная экономическая политика буржуазных государств не имеет ничего общего с решениями Парето, не оставляет постоянным уровень благосостояния трудящихся. Она нацелена на обеспечение классовых интересов буржуазии, ведет к углублению разрыва в доходах, усилению социального неравенства.

Третий подход основан на теореме "оптимума второго порядка" (second best optimum), доказанной Р.Липси и К.Ланкастером. Смысл ее заключается в том, что невыполнение хотя бы одного условия оптимума Парето обуславливает невыполнение всех других условий и поиск нового значения максимума функции Парето при новой системе условий.

Концепция "оптимума второго порядка" означает полный разрыв с ортодоксальным паретианством, ибо новые условия максимума не соответствуют основным характеристикам рыночной системы в маржиналистском смысле. Оптимизация экономической политики понимается, следовательно, как бесконечный процесс приспособления к изменяющимся условиям максимума функции социального благосостояния.

В концепции функции социального благосостояния дается маржиналистская оценка экономического оптимума, который достижим при условии неограниченного действия рыночной системы. Современные маржиналисты не считают возможным стихийный поворот капиталистической экономики к свободной рыночной конкуренции. Они настаивают не на ликвидации экономических функций буржуазного государства, а на их изменении, на том, чтобы экономическая политика была направлена только на имитацию условий свободной конкуренции.

Таким образом, в концепции функции социального благосостояния формулируется стратегическая цель политики — построение экономической системы, управляемой исключительно рыночным механизмом и способной достичь состояния рыночного равновесия. Текущие цели (целевые ориентиры политики) в представлении маржиналистов должны состоять в имитации условий свободной конкуренции. Эти ориентиры объединены в системе допущений модели Парето и его последователей.

За пределами концепции функции социального благосостояния остается проблема трансформации индивидуальных функций

полезности или предпочтения в функцию социального благосостояния. Эта проблема составляет часть предмета теории коллективных решений.

Принятие коллективных решений

В широком смысле эта теория охватывает не только методы построения функции социального благосостояния, но и правила принятия решений, увеличивающих его.

Впервые обоснование механизма перехода от индивидуальных предпочтений к коллективным (государственным) решениям было дано итальянской школой государственных финансов, прежде всего в работах ее лидера – В.Парето, а также шведскими экономистами К.Викселлом и Э.Линдалем. К числу современных авторитетов в этой области следует отнести таких буржуазных экономистов, как К.Эрроу, Дж.Бьюкенен, Дж.Хикс, Н.Калдор, А.Литтл, П.Самуэльсон, А.Бергсон.

Они определяют необходимость коллективных решений двумя причинами – построением функции социального благосостояния и неспособностью рынка удовлетворить все индивидуальные потребности из-за наличия “общественных товаров” и не имеющих денежной меры “внешних воздействий” индивидуального рыночного поведения. Поэтому человек вступает в “политическую игру”, расценивая государство как орган, “выдающий” “общественные товары” и регулирующий “внешние воздействия”.

Приблизительно такое толкование потребности в коллективных решениях дают известные теоретики маржинализма – профессор Калифорнийского университета Т.Сшитовски в книге “Благосостояние и конкуренция. Теория экономики с полной занятостью” (65, с.186), профессор Вирджинского государственного университета Дж.Бьюкенен в “Теории общественного выбора” (73, с.14), Р.Масгрэйв в “Фискальных системах” (47, с.9–10).

В настоящее время сложились три основные концепции принятия коллективных решений.

Первый, наиболее ортодоксальный и наиболее развитый вариант сохраняет традиции Кембриджской школы. Его сторонники вслед за А.Маршаллом и А.Пигу понимают под социаль-

ным благосостоянием сумму субъективных оценок индивидуального благосостояния. Тогда социальное благосостояние увеличивает любые коллективные решения, согласно которым объем позитивных оценок изменения индивидуального благосостояния больше объема негативных оценок. Адекватный таким решениям политический механизм будет базироваться на разнообразных вариантах "демократического выбора". Признанным лидером этого направления является К.Эрроу.

Во второй концепции социальное благосостояние полагается функцией субъективных оценок индивидуального благосостояния, причем его рост связывается с такими коллективными решениями, которые не сокращают любой оценки индивидуального благосостояния. Этим решениям соответствует процедура агрегирования, основанная на тех или иных вариантах единодушия. Данная концепция базируется на критерии Парето и его современных модификациях.

Стержнем третьей концепции является патерналистская модель социального благосостояния. В ней социальное благосостояние тоже ставится в зависимость от индивидуального благосостояния, которое, однако, измеряется уже не субъективными оценками граждан, а субъективными оценками государственных деятелей. Считается, что только государственные чиновники, осуществляя сообща функции "всеведущего судьи", лучше, чем сами люди, разбираются в их благосостоянии. Тем самым агрегирование индивидуальных предпочтений становится ненужной процедурой, и формирование "целевой" функции происходит по существу в отрыве от субъективных индивидуальных оценок. Подобные идеи развиваются в последнее время Бергсоном, Самуэльсоном и их сторонниками.

Практически усилия буржуазных экономистов внутри первого варианта сконцентрированы вокруг так называемой теории Эрроу.

Как указывает Эрроу, в его теории рассматривается "процесс или правило, которое для каждого набора индивидуальных предпочтений... альтернативных социальных состояний (один набор у одного человека) устанавливает соответствующую структуру социальных предпочтений альтернативных социальных состояний" (59, с. 18).

Концепция Эрроу основывается на системе аксиоматических предпосылок, определяющих общие условия принятия "демократических" решений. Рассмотрим эту систему подробнее.

1. Каждый член общества имеет определенную структуру предпочтений относительно всех возможных социальных состояний по степени их желательности для него. Эта аксиома означает, что у каждого человека есть четкое представление о том, какое социальное состояние лучше других, какое "занимает второе место" и т.д.

2. Коллективное решение не может быть независимым от любой относящейся к нему индивидуальной функции предпочтения.

3. Допустимы все логически возможные социальные состояния.

4. Существует "демократический" механизм принятия коллективных решений по большинству голосов (условие D).

5. Построить функцию социального благосостояния можно для любой комбинации индивидуальных функций предпочтения социальных состояний. Это условие универсальной применимости (условие U).

6. Если все члены общества строго предпочитают социальное состояние А социальному состоянию В, то общество должно предпочитать состояние А состоянию В.

Пусть $AP_r B$ означает, что индивидуум r предпочитает состояние А состоянию В, а APB — отражает социальные предпочтения. Тогда условие можно представить так: если $AP_1 B, \dots, AP_2 B, \dots, AP_r B$, то APB .

Если выполняется это условие, выбор обществом социального состояния А не принесет потерь никому из участников "демократической игры", не сократит ни одной оценки индивидуального благосостояния. Такой выбор соответствует критерию Парето, поэтому Эрроу называет это условие условием Парето (условие П).

7. Индивидуальные предпочтения должны быть транзитивными, т.е. если $AP_r B$ и $BP_r C$, то $AP_r C$ (условие Т).

Правило транзитивности применимо и к социальным предпочтениям.

8. Структура социальных предпочтений состояний А и В не зависит от места в индивидуальных функциях предпочтения альтернативы С по отношению к А и В (условие Н).

Эрроу показал, что при соблюдении всех предпосылок, т.е. в условиях "чистой демократии", принять решение невозможно. Иными словами, построение функции социального благосостояния в смысле Эрроу посредством "демократического" механизма требует устранения одного или нескольких предварительных допущений. Это заключение получило в буржуазной политической экономии название теоремы Эрроу или парадокса Эрроу.

Самым слабым звеном в системе допущений Эрроу оказалось условие У. Легко показать, что возможны ситуации, когда построить функцию социального благосостояния по Эрроу нельзя (табл. 1.1).

Таблица 1.1

№	Индивидуальные предпочтения	Социальные предпочтения	Пояснения
1	2	3	4
1	X: а, в, с У: в, с, а Z: а, с, в	А, В, С	а, в - Н, Д, Т усл. в, с - Н, Д, Т усл. а, с - Н, Д, Т усл.
2	X: в, а, с. У: в, а, с Z: в, а, с	В, А, С	в, а - П усл. в, с - Т, П. усл. а, с - П усл.
3	X: в, с, а У: с, а, в Z: с, в, а	С, В, А	с, а - Н, П, Т усл. в, а - Н, Д, Т усл. с, в - Н, Д, Т усл.
4	X: а, в, с У: в, с, а Z: с, а, в	-	а, в - Н, Д усл. в, с - Н, Д усл. с, а - Н, Д усл.

При комбинации индивидуальных предпочтений № 1 для участника "демократического" выбора X имеется функция пред-

почтения $AP_X B$; $BP_X C$; $AP_X C$ (по условию T). Аналогично можно прокомментировать функции предпочтения Y и Z.

"Общество", состоящее в модели Эрроу из трех человек, предпочтет социальное состояние A социальному состоянию B. Такой выбор обусловлен поддержкой двух участников из трех - X и Z, следовательно, соответствует условию D. Он проводится независимо от оценки участниками X и Z альтернативы C, т.е. выполняется условие H. Наконец, участник Z предпочитает социальное состояние A по условию транзитивности (условию T).

Таким образом, "общество" в смысле Эрроу делает выбор в пользу состояния A. Элементом "общественной" функции предпочтения социальных состояний становится предпочтение APB . Точно так же строятся предпочтения APC и BPC .

Это рассуждение легко применить ко второй и третьей комбинациям индивидуальных предпочтений.

Четвертая комбинация не дает возможности сформировать функцию социального благосостояния по Эрроу. В совокупности предпочтения APB , BPC и CRA не образуют функцию социального предпочтения, ибо противоречат условию T. Отсюда следует, что случай № 4 противоречит условию Y, т.е. не для всякой комбинации индивидуальных предпочтений можно построить функцию социального предпочтения.

Логическим следствием теоремы Эрроу явились попытки буржуазных экономистов так деформировать систему посылок, чтобы одновременно выполнялись условия "чистой демократии" (в ином смысле, чем у Эрроу) и стало возможным принятие коллективного решения для всех вариантов индивидуальных предпочтений.

В частности, в модели экономистов Калифорнийского университета Р.Дикона и П.Шапиро, сформулированной в работе "Выявление частных предпочтений коллективных товаров путем голосования на референдуме", изучается первое допущение Эрроу о существовании индивидуальных функций предпочтения социальных состояний (14). За основу принята функция социального благосостояния в смысле П.Самуэльсона.

$$U^i = U^i(X^i; q_k), \quad (1.23),$$

где U^i - индивидуальная функция полезности;
 X^i - вектор "частных товаров";
 q_k - вектор "общественных товаров", соответствующий k -тому социальному состоянию в смысле Эрроу.

Тогда каждый член общества будет стремиться максимизировать эту функцию.

$$\max U^i(x^i; q_k) = V^i(q_k, P_k, J_k^i - S_k^i), \quad (1.24)$$

где P_k - вектор цен "частных товаров" в социальном состоянии K ;
 J_k^i - индивидуальный денежный доход в социальном состоянии K ;
 S_k^i - сумма подоходных налогов в социальном состоянии K .

Пусть известны значения индивидуальных функций полезности для социальных состояний "1" и "0", т.е.

$$V_0^i = V^i(q_0, P_0, J_0^i - S_0^i), \quad (1.25)$$

$$V_1^i = V^i(q_1, P_1, J_1^i - S_1^i). \quad (1.26)$$

В этом случае человек предпочитает социальное состояние "1" только тогда, когда $V_1^i > V_0^i$. Получается функция предпочтения, которую затем вместе с другими подобными функциями можно агрегировать и получить социальную структуру социальных ситуаций, т.е. построить функцию в смысле Эрроу.

Задача усложняется, если различия в степени воздействия социальных состояний на индивидуальное благосостояние неизвестны.

Тогда

$$V_1^i - V_0^i = \Delta V^i [q_0, P_0, J_0^i - S_0^i, \Delta q, \Delta P, \Delta(J^i - S^i)], \quad (1.27)$$

$$\text{где} \quad \Delta q = q_1 - q_0 \quad (1.28)$$

$$\Delta P = P_1 - P_0 \quad (1.29)$$

$$\Delta(J^i - S^i) = (J_1^i - S_1^i) - (J_0^i - S_0^i). \quad (1.30)$$

Если вектор аргументов в уравнении (1.27) обозначить Z , то

$$V_1^i - V_0^i = \Delta V^i(Z^i). \quad (1.31)$$

Теперь, чтобы выявить индивидуальные предпочтения, необходимо ввести в модель еще одну переменную y^i , которая отражает социально-экономические и психологические характеристики личности, а также функцию $\delta^i = \delta^i(y^i)$. В ней δ^i — "мера точности, с которой человек способен делать различие между альтернативами". Тогда индивидуальная функция предпочтения будет сформирована, т.е. человек предпочтет альтернативу "1" альтернативе "0", если $\Delta V^i > \delta^i$ (14, с. 945).

Ту же методологическую основу имеют модели "демократического выбора", в которых применяется теория игр. Например, в модели, построенной профессором университета штата Флорида Дж. Дэвисом и профессором университета штата Айова Ч. Мейером в "Теории общественного выбора", (73), рассматривается случай, когда какое-то коллективное решение увеличивает социальное благосостояние и одновременно уменьшает благосостояние коалиции большинства, победившего в голосовании. Это в принципе возможно, ибо маргиналисты определяют как социальное, так и групповое благосостояние в виде функции субъективных оценок индивидуального благосостояния.

Рассмотрим эту ситуацию подробнее. Пусть имеется проект коллективного решения, который отвергается большинством голосов. Это означает, что группа, одержавшая верх в "демократическом выборе", негативно оценивает последствия этого решения для своего благосостояния. Однако в силу субъективного подхода к индивидуальному благосостоянию данный проект решения может увеличить социальное благосостояние, если объем выгод проигравшее меньшинство оценит выше, чем победившее большинство оценит размеры потерь.

Дэвис и Мейер предлагают при необходимости компенсировать группу большинства по линии государственного бюджета таким образом, чтобы явно невыгодная для нее "демократическая игра" дала ей положительный результат, а кол-

лективные решения этого вида прошли через механизм "демократического выбора" (73, с. 267-275).

Другим современным вариантом концепции Эрроу являются модели, в которых используется вероятностный подход. Примером может служить модель, разработанная профессором Калифорнийского университета М. Интриллигатором в статье "Вероятностная модель общественного выбора" (35).

Интриллигатор считает слишком жесткой предпосылку Эрроу о существовании индивидуальных функций предпочтения социальных состояний и заменяет их вероятностными функциями.

$$q_i = (q_{i1}, \dots, q_{in}), \quad (1.32)$$

$$i=1 \dots m$$

$$\sum_{j=1}^n q_{ij} = 1,$$

$$j=1 \dots n$$

где q_i - "индивидуальный вероятностный вектор";

m - количество людей, принимающих участие в "демократическом выборе";

q_{ij} - индивидуальная вероятностная оценка выбора i -тым человеком альтернативного социального состояния A_j ;

n - количество альтернативных социальных состояний.

Тогда в принципе возможно формирование "социального вероятностного вектора" P .

$$P = (P_1, \dots, P_n), \quad (1.33)$$

$$\sum_{j=1}^n P_j = 1$$

где P_j - вероятность того, что общество выберет альтернативное социальное состояние A_j .

В таком случае можно построить функцию Эрроу, опираясь на ординалистский "социальный вероятностный вектор".

$$A = (A_k, A_j, \dots) \quad (1.34)$$

$$P_k > P_j,$$

где A - социальная структура социальных состояний (функция Эрроу).

Трансформация "индивидуальных вероятностных векторов" в "социальный вероятностный вектор" должна, по представлениям Интриллигатора, происходить в условиях "чистой демократии". Эти условия представляют собой систему из двенадцати аксиом, отличных от допущений Эрроу (35, с. 553-558).

Он предлагает простое правило трансформации:

$$P_j = \frac{1}{m} \sum_{i=1}^m q_{ij}. \quad (1.35)$$

Попробуем оценить влияние идей Интриллигатора на парадокс Эрроу.

Пусть имеются три социальных состояния A , B и C и три участника "демократического выбора". Их функции предпочтения содержат уже не оценки самих социальных состояний, а лишь вероятности индивидуального выбора того или иного состояния. Например, вектор q_1 имеет элементы $2/3$, $1/3$, 0 и показывает, что первый участник с вероятностью $2/3$ выберет состояние A , с вероятностью $1/3$ - состояние B и выступает против состояния C (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Участники	Индивидуальные вероятностные векторы		
I (q_1)	2/3	1/3	0
II (q_2)	0	2/3	1/3
III (q_3)	1/3	0	2/3

Если следовать уравнению (1.35), то легко определить "социальный вероятностный вектор": $P = (1/3, 1/3, 1/3)$.

Таким образом, в вероятностной модели устраняется парадокс Эрроу и становится возможным создание социальной структуры социальных состояний. Тот факт, что вектор P не дает представления о социальных предпочтениях, указывает на безразличие общества к выбору между социальными состояниями A , B и C . Отбор наилучшего состояния можно вес-

ти с помощью других приемов, например, с помощью патерналистского предложения Самуэльсона¹⁾ или в соответствии с методом "затраты – выгоды" и т.д.

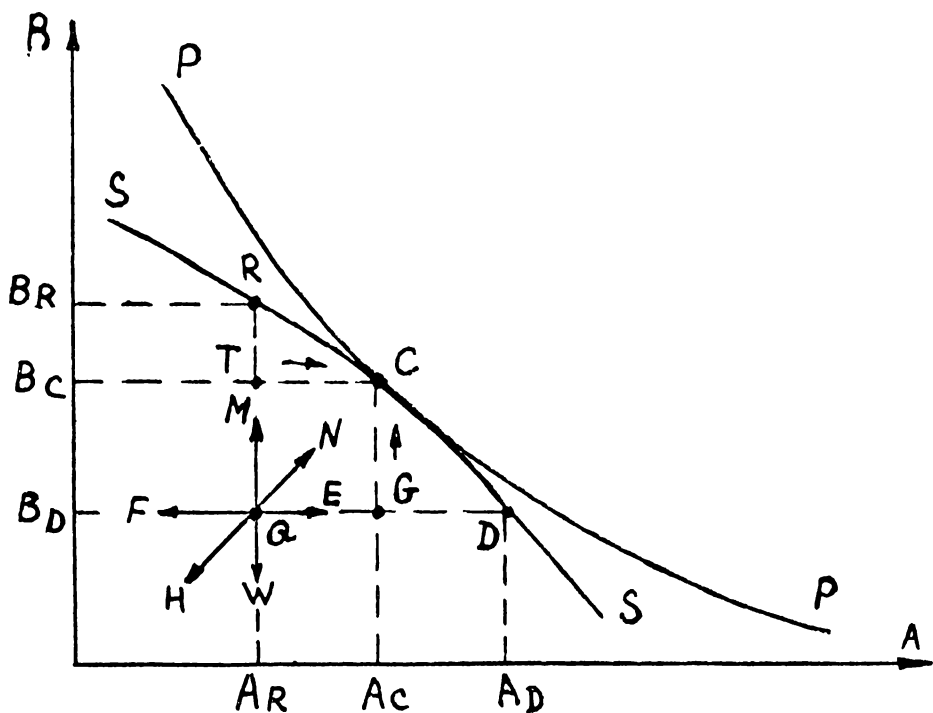
Если оценить предпосылки Эрроу не с формально-логической стороны (этот аспект не вызывает сомнений), а с точки зрения их соответствия действительности, то можно обнаружить их нормативность. В первую очередь это относится к первой предпосылке относительно способности каждого человека построить функцию предпочтения социальных состояний.

Сейчас некоторые экономисты, представляющие левое крыло маржинализма, признают ее нереальность и считают необходимым перестроить эту часть концепции Эрроу. Например, голландский экономист Р.Тиль в статье "Теорема невозможности Эрроу" называет "утопической" предложенную Эрроу схему формирования индивидуальных предпочтений и их агрегирование в функции социального благосостояния (74, с. 85).

В социальном отношении теория Эрроу и ее современные варианты представляют собой типичную для буржуазной политической экономии интерпретацию политического механизма капиталистических стран. В концепции Эрроу дается формальное, примитивное изложение процедуры "демократического выбора", в котором "демократия" есть не более чем принятие решений по большинству голосов. При таком подходе снимается важнейший, принципиальный вопрос о классовом содержании демократии, ей придается внесоциальный смысл. Тем самым идеи Эрроу и его сторонников являются одним из вариантов апологетической защиты буржуазной государственной машины, призванной будто бы обеспечивать интересы всех социальных групп.

Вторая концепция принятия коллективных решений базируется на критериях максимума и роста социального благосостояния Парето. Этим критериям соответствует только процедура единодушного выбора. Применение любого "демократического" механизма означает ущемление интересов участников коалиции меньшинства и не увеличивает социальное благосостояние по Парето.

1) Анализ патерналистской схемы принятия коллективных решений проводится ниже.



Оптимизации экономической политики по Парето можно дать упрощенную графическую интерпретацию.

На рис. 1 A - субъективная оценка благосостояния индивидом A ; B - субъективная оценка благосостояния индивидом B ; PP - граница социальных возможностей, определяемая ограниченностью ресурсов, за пределами которой невозможны никакие комбинации оценок индивидуального благосостояния; SS - кривая социального безразличия. Все ее точки есть комбинация оценок индивидуального благосостояния, одинаково желательные для общества.

Выберем на плоскости (A, B) произвольную точку Q . Политические решения в смысле Парето, обеспечивающие улучшение социального благосостояния, должны ориентироваться по следующим направлениям: QM - "север"; QN - "север-

ро-восток", QE - "восток". Все другие варианты ориентации будут как минимум ухудшать индивидуальное благосостояние либо A , либо B .

Если решения принимаются в направлениях QM и QE , то этот процесс может продолжаться только вплоть до точек T и G и далее до C . Комбинация оценок A_R , B_R и A_D , B_D - нежелательны по Парето, ибо в точках R и D не достигается полное использование ресурсов, а также становится невозможным дальнейшее принятие решений Парето. Функция социального благосостояния максимизируется в точке C , чему соответствуют оптимальная пара значений индивидуального благосостояния A_C и B_C и оптимальный вариант политики.

Попыткой практического приложения критерия Парето можно считать концепцию К.Викселла. Он считал в принципе возможными единодушные решения по любым проектам государственных расходов, если решения о налогах и расходах связаны в один "пакет".

Логика Викселла такова. Государство "выпускает" различные виды "общественных товаров", влияющих на субъективные оценки индивидуального благосостояния. Принятие коллективных решений на основе "демократического принципа" сокращает благосостояние меньшинства потому, что оно не может избежать прямого снижения доходов ввиду принудительного налогообложения. Поэтому за конкретные государственные программы должны платить налогами только те потребители, которые рассчитывают за счет этих программ повысить свое благосостояние. Благосостояние группы меньшинства как минимум не уменьшается, ибо она будет освобождена от налогов и получит бесплатно "общественные товары" из-за действия принципа "неисключаемости из потребления".

Очевидно, что такие решения соответствуют критерию Парето.

Методология Парето-Викселла составляет стержень современной паретианской концепции коллективных решений. Она является критерием, по которому можно отличить друг от друга отдельные ее варианты.

Ортодоксальные паретианцы продолжают и сейчас отстаивать нереальное и старомодное предложение об увязывании решений о налогах и расходах и их единодушном принятии. Известный английский специалист Дж. де Грааф в "Теории благосостояния" отмечает, например, что можно "найти достаточное совпадение мнений в умеренно однородном обществе, которое даст возможность действовать", т.е. проводить политику в соответствии с критерием Парето (28, с. 11).

Большая группа экономистов, которых можно отнести к левым паретианцам, считают исключительно жестким требование Парето о ненанесении ущерба любой оценке индивидуального благосостояния. Стараясь сделать критерий Парето более гибким, маржиналисты разработали ряд критериев принятия политических решений, составивших основу "новой теории благосостояния". Следует выделить критерий Калдора-Хикса, критерий Считовского и критерий Литтла.

У Н.Калдора область пригодных к осуществлению вариантов политики расширяется за счет государственных действий, увеличивающих благосостояние одних людей и одновременно сокращающих благосостояние других. В соответствии с критерием Калдора к "чистым" решениям Парето добавляются такие решения, которые обеспечивают положительную разницу между суммой индивидуальных выгод от государственной политики и суммой индивидуальных потерь от нее. Тогда, по мнению Калдора, тоже происходит рост социального благосостояния, причем даже тогда, когда победившая коалиция не компенсирует проигравшую, а лишь имеет возможность это сделать, обеспечивая любой по величине рост благосостояния своих участников.

Иными словами, критерию Калдора удовлетворяют такие политические решения, которые увеличивают благосостояние одной социальной группы и уменьшают благосостояние другой, причем размеры увеличения в принципе позволяют компенсировать "проигравшую" социальную группу. То, что Калдор не считает нужным реально компенсировать "проигравших", указывает на социально-экономический смысл его критерия. По существу критерий Калдора служит оправданием действий

буржуазных государств по перераспределению доходов в пользу правящего класса. Например, если государственные регулирующие органы санкционируют рост цен на потребительские товары, причем увеличение массы прибыли превышает размеры снижения реальных доходов, то такое решение означает рост социального благосостояния по Калдору.

Калдор считал государство наилучшим судьей в определении этой разницы и ее знака. Такой патернализм в известной мере противоречил исходным установкам Парето, его фундаментальному индивидуализму, и критерий Калдора был индивидуализирован.

В критерии Дж.Хикса наблюдается возврат к субъективным оценкам индивидуальных выгод и издержек. Он допускает такие политические варианты, для которых сумма субъективных оценок индивидуальных выгод превышает сумму субъективных оценок индивидуальных потерь.

Критерий Калдора-Хикса содержит явное логическое противоречие. Пусть W – величина социального благосостояния, определенная по функции социального благосостояния; W_A – суммарная оценка индивидуального благосостояния представителями социальной группы А; W_B – суммарная оценка индивидуального благосостояния представителями социальной группы В. Тогда критерию Калдора-Хикса удовлетворяет решение Q , гарантирующее, например, $W_A - W_B > 0$ и соответствующий рост W . Однако государство может предпринять прямо противоположное действие (политику P) и добиться соотношения $W_B - W_A > 0$. В этом случае W возрастет и, возможно, на ту же величину. Так как буржуазные экономисты поклоняются догме о равноправии граждан и мифу о внеклассовой природе государства, становится непонятным выбор между решениями Q и P .

Это противоречие было отмечено Т.Сшитовски. Он предложил два варианта усовершенствования критерия Калдора-Хикса. В первом варианте политика Q допустима тогда, когда социальная группа А реально компенсирует убытки социальной группы В, причем такая компенсация не должна сводить к нулю собственные преимущества группы А от решения Q . Очевидно, что в первом варианте решение Калдора-Хикса прев-

ращается в решение Парето. Во втором варианте, когда компенсация невозможна, нужны дополнительные действия со стороны государства, нейтрализующие недовольство социальной группы В и ее стремление противодействовать политике Q.

Последняя существенная добавка в критерий Калдора-Хикса была внесена А.Литтлом. Фактически она сводится к первому варианту критерия Считовски с той лишь разницей, что Литтл считал допустимыми такие действия государства, которые, во-первых, удовлетворяют критерию Калдора-Хикса и, во-вторых, сопровождаются компенсацией, приводящей к "справедливому" распределению доходов и необязательно соответствующей принципу Парето.

Предложение использовать в принятии реальных политических решений критерий роста и максимума социального благосостояния Парето, а также жесткую увязку налогов и государственных расходов в духе Векселла нельзя расценивать иначе, как один из мифов буржуазной экономической науки. Ненамного ближе к капиталистической действительности критерии принятия коллективных решений, разработанные в рамках "новой теории благосостояния".

Меткую характеристику этих критериев дали Ч.Роули и А.Пикок. Они отмечают, что критерии были "предложены сторонниками Парето, недовольными тем, что они добровольно надели на себя созданную им смирительную рубашку. Они предприняли смелую попытку провести государственных деятелей, заставить их поверить в то, что критерий Парето более могуществен, чем он есть на самом деле" (60, с. 51).

Третья концепция принятия коллективных решений - патернализм - развивается в работах П.Самуэльсона, А.Бергсона и их сторонников. Ее важнейшее звено составляют так называемые "этические ценности", существующие в экономике. Количество "этических систем" может быть сколь угодно большим, и задача государства состоит в выборе одной из них, соответствующей ценностям, превалирующим в данном обществе. Тем самым становятся известными не только виды микроэкономических составляющих функции социального благосостояния, но и их знаки.

Как отмечает американский экономист Дж.Ротенберг (Северо-западный университет) в монографии "Измерение социального благосостояния", в патерналистской политической концепции "такие слова, как "хорошо" и "плохо", "должен" и "не должен", благополучно изгнанные из позитивного экономикса, появились вновь для того, чтобы служить ориентирами государственной политики" (59, с.3).

В настоящее время Самуэльсон продолжает защищать патерналистскую схему принятия политических решений, заменяющую паретианское агрегирование индивидуальных функций полезности. Он солидаризируется с идеей Бергсона о том, что система "этических ценностей", превалирующая в обществе, распознать которые могут только государственные чиновники, имеет безусловный приоритет по сравнению с информацией об индивидуальных предпочтениях. В одной из своих последних статей ("Подтверждение существования приемлемой функции социального благосостояния Бергсона-Самуэльсона") он пишет о том, что функция социального благосостояния, построенная на основе подхода Бергсона-Самуэльсона; "имеет богатую структуру, в которую входят важные политические условия, необходимые для оптимизации благосостояния" (61, с. 86-87).

Сходной точки зрения придерживается К.Боулдинг. По его мнению, классификация состояний экономики по степени приближения к оптимуму Парето и соответствующее принятие политических решений возможны лишь на основе "системы этических ценностей", выбранной государством (7, с. 647).

Бергсон, Самуэльсон, Боулдинг и другие экономисты отстаивают первый вариант патерналистской схемы принятия коллективных решений, который можно назвать "этическим вариантом", объединяющим подход Бергсона с субъективно-психологическим подходом Самуэльсона.

Другая концепция представлена сейчас суждениями Эрроу в работе "Пределы организации" (3). Он отвергает "демократический механизм" из-за известного парадокса, а также процедуру, основанную на критерии Парето. Эрроу справедливо отмечает ее утопический характер: только "организация (государство. - А.Л.), чьи участники имеют идентичные ин-

тересы и идентичную информацию, может обеспечить эффективность спонтанного единодушия" (3, с. 69).

Эрроу предлагает, так сказать, "информационный вариант" патерналистской модели. Если сторонники "этической" схемы целиком отодвигают индивидуальные предпочтения на второй план, в лучшем случае считая их функцией выбранной правительством системы "этических ценностей", то для Эрроу второстепенны лишь некоторые аспекты индивидуальных представлений о благосостоянии. Информация об индивидуальных оценках составляет для него вообще главный фактор коллективных решений. Отмечая "вакуум власти" в развитых капиталистических странах и инерционность государственной политики, он считает необходимым создать механизм централизованного сбора информации об индивидуальных экономических действиях с последующим принятием коллективных решений, причем само решение должно опережать передачу гражданам собранной информации, на которой оно было основано.

В отличие от других теоретиков маржинализма Эрроу стоит на последовательно патерналистских позициях и указывает на необходимость государственной интервенции всегда, когда субъекты экономической системы "взаимодействуют друг с другом, ... заменяют и дополняют друг друга и конкурируют в отношении ограниченных ресурсов" (3, с. 68).

Подход Бергсона-Самуэльсона составляет в настоящее время конечный пункт эволюции маржиналистских концепций функции социального благосостояния и принятия коллективных решений. Его собственные методологические свойства, в частности такие, как нормативизм и субъективно-психологический подход, можно объяснить внутренней логикой маржинализма в целом, обусловленной его столкновением с реальными политическими процессами.

Первый неудачный результат получился тогда, когда маржиналисты, оперируя системой категорий микроэкономики, попытались объяснить сложные макроэкономические процессы, в которых отсутствовали эти категории. Логическим итогом было создание множества нормативных моделей ти-

па функции социального благосостояния, не соответствующих действительности. Продолжение их разработки, даже в наиболее реалистическом варианте Самуэльсона, отражает лишь нежелание считаться с фактами, может быть, раздражение от увеличивающегося разрыва между теорией и политикой.

Для того чтобы преодолеть этот разрыв и одновременно сохранить традиции маржинализма, последователям Парето пришлось сделать поворот на 180° в сторону патернализма и начать объяснять политику предпочтениями государственных деятелей, т.е. превратиться в защитников чисто психологической теории государства.

Таким образом, современную маржиналистскую теорию экономической политики можно считать в целом нормативно-психологической теорией, эклектически соединяющей два взаимно противоречивых подхода – нормативную модель функции социального благосостояния в трактовке Парето и принципы ее формирования на основе психологии людей, принимающих решения.

Поворот от ортодоксального паретианства к патернализму имеет определенное социальное содержание. В паретианских моделях построение функции социального благосостояния и принятие политических решений полагается зависимым от индивидуальных функций полезности или предпочтения. Их создатели не могут поэтому объяснить реальную политику капиталистических государств, которая, как правило, не укладывается в рамки критерия Парето, схем "демократического выбора" и т.п. Они неизбежно удаляются от капиталистической действительности в придуманный ими мир нормативных абстрактных моделей. Сторонники патернализма выдвигают на первый план предпочтения государственных чиновников и используют их как универсальное средство оправдания любых действий буржуазного государства. Опираясь на непогрешимость самуэльсоновского "благожелательного деспота", они могут всякую политическую меру, даже явно антинародного характера, выдать за действие, повышающее социальное благосостояние.

Таким образом, Бергсон, Самуэльсон и их последователи используют патернализм для того, чтобы дать маржиналистское объяснение реальной политики, сохранив при этом в неприкосновенности основные свойства маржиналистской методологии.

В патерналистских моделях благосостояния, базирующихся на функциях социального благосостояния в смысле Самуэльсона или Розкампа, присутствуют "общественные товары", предоставление которых маржиналисты считают одной из главных экономических функций государства.

"Общественные товары"

Первоначальные представления об "общественных товарах" (public goods) содержатся еще в работах экономистов кембриджской школы. Суть концепции заключается в признании неспособности рыночного механизма удовлетворять все потребности, в дифференциации их на "частные" и "общественные" и, соответственно, в разделении товарного мира на "частные товары", предоставляемые рынком, и "общественные товары", предоставляемые государством.

Необходимо отметить, что в последние годы быстро развивается концепция глобальных потребностей и "глобальных товаров", обеспечение которыми рассматривается как функция межгосударственных организаций. Один из вариантов этой концепции, предусматривающий ее включение в маржиналистскую теорию политики, предложен, например, профессором Колумбийского университета О.Шахтером в книге "Распределение мировых ресурсов" (63, с. 13-14).

К настоящему времени маржиналисты разработали классификацию, включающую целый спектр товаров — от "чистых частных" до "чистых общественных". Определение "чистого общественного товара" имеет важное методологическое значение, так как от него в большой мере зависит определение границ государственного участия в экономике.

Наиболее широкое определение "общественного товара" дано Самуэльсоном в работе "Экономика государственного

сектора": "(Общественным является такой товар, который в одинаковом количестве входит в две или более индивидуальные функции полезности" (56, с. 108). Это означает, что, во-первых, "общественный товар" потребляется коллективно, и, во-вторых, его объем — с точки зрения отдельного человека — неограничен, т.е. всякое индивидуальное потребление не наносит ущерб интересам другого потребителя.

В этой формулировке проявляется еще одно отступление Самуэльсона от ортодоксального маржинализма, ибо она задает весьма широкие рамки для трактовки категории "общественных товаров" и экономических функций государства.

Закономерной реакцией экономистов, стоящих на позициях ортодоксального маржинализма, явилась разработка ограничительных признаков, сокращающих набор товаров, которые относятся к числу "общественных".

Американские экономисты Дж.Баркхэд и Дж.Майнер (Сиракюзский университет) в книге "Государственные расходы" отмечают следующее важное качество "общественного товара", отличающее его от "частного товара": если "общественный товар" входит в некоторые индивидуальные функции предпочтения (или полезности) и принято коллективное решение о его выпуске, он будет потребляться даже теми людьми, которые не включили его в свои функции предпочтения. Иными словами, ни один человек не может избежать потребления "чистого общественного товара" (9, с. 9).

По мнению Р.Дикона и П.Шапиро, в число "общественных" входят только те товары, предложение которых определяется коллективными (общественными) решениями (14, с. 943). Так как буржуазные экономисты не отличают общественные решения от государственных, такой подход означает, что любые меры экономической политики (и политики вообще) следует считать "общественными товарами".

Авторы книги "Основные экономические концепции" экономисты Чикагского университета В.Зикел и Р.Экстайн считают, что товар можно квалифицировать как "общественный" только в том случае, если в его потреблении участвуют все члены общества без исключения (68, с. 374).

Профессор Йельского университета Р.Купер в книге "Экономическая мобильность и национальная экономическая поли-

тика" указывает, что в отношении "общественных товаров" государство не в состоянии обнаружить индивидуальные предпочтения: если "общественный товар" в любом случае "навязывается" каждому человеку, у людей есть стимулы не обнаруживать свои оценки (11, с. 28).

Дж. Бьюкенен считает неотъемлемой чертой "общественного товара" его абсолютную неделимость в потреблении (73, с. 179).

Итак, согласно представлениям ортодоксальных маргиналистов, основные свойства "чистого общественного товара" таковы: а) "общественные товары" потребляются людьми только сообща; б) если хотя бы один член общества участвует в потреблении "общественного товара", все остальные граждане делают то же самое, даже в тех случаях, когда они этого не хотят (принцип "неисключаемости из потребления"); в) предложение "общественных товаров" обеспечивается государством; г) объемы индивидуального потребления "общественного товара" равны между собой и равны совокупному предложению "общественного товара", т.е. $x_1 = x_1^1 = x_1^2 = \dots = x_1^n$, где x_1^i — величина предложения "общественного товара", x_1^i — его потребление i -тым потребителем ($i = 1 \dots n$) (принцип "неделимости в потреблении"); д) государству неизвестны индивидуальные функции предпочтения "общественных товаров".

Исходя из данной характеристики "чистого общественного товара", ортодоксальные маргиналисты свели к минимуму круг этих товаров. Сейчас в стандартный маржиналистский набор "чистых общественных товаров" входит национальная оборона, противомалырийная дезинфекция, хлорирование питьевой воды и т.п.

Современная эволюция теории "общественных товаров" характеризуется прежде всего попытками вырваться из этого тупика, стремлением расширить предмет анализа. Можно выделить два направления такой эволюции.

В первом из них косвенно признается ограниченный смысл понятия "чистых общественных товаров". Его сторонники расширяют предмет, вкладывая в понятие "чистых общественных товаров" внеэкономический смысл и причисляют к ним, как это, в частности, делает профессор Чикагского

университета Г.Джонсон в книге "Международная корпорация", информацию, национализм во внешней политике и т.п. (32, с. 37, 49-50). Л.Уэйд и Р.Карри в монографии "Логика государственной политики: политико-экономические аспекты" считают "общественным товаром" даже американскую интервенцию во Вьетнаме (79, с. 95).

Другое направление опирается на разработанную Р.Масгрэйвом концепцию "квазиобщественных товаров". Из всех жестких ограничений, наложенных на "чистые общественные товары", Масгрэйв оставил лишь то, что "квазиобщественные товары" предоставляются потребителям не рынком, а государством.

Масгрэйв поставил под сомнение один из основополагающих принципов маржинализма — действительное существование у каждого человека индивидуальных функций полезности или предпочтения. Он справедливо отметил, что далеко не все граждане капиталистического общества имеют "стандарты жизни" (материальное благосостояние, образование и т.п.), позволяющие уверенно различать экономические альтернативы и строить эти функции. Поэтому Масгрэйв включил в класс "квазиобщественных товаров" виды государственной политики, способствующие принятию индивидуальных рыночных решений, например, субсидии на жилищное строительство, программы реконструкции городов, меры по борьбе с преступностью, финансирование высшего образования и т.п. (47, с. 25).

Таким образом, в современном маржинализме существуют понятия "чистого общественного товара", "общественного товара", "квазиобщественного товара". Они отличаются друг от друга количеством ограничительных признаков, определяющих круг этих товаров.

Категория "чистого общественного товара" используется, в основном, ортодоксальным маржинализмом. Так как денежная оценка их предложения приравнивается к величине бюджетных расходов, сторонники этого течения считают необходимым значительно ограничить сферу бюджетного регулирования по сравнению с текущей практикой, существующей в капиталистических странах. Более широкие пределы бюджетной политики

задаются понятием "общественного товара", сформулированным Самуэльсоном. Наконец, категория "квазиобщественного товара", введенная Масгрэйвом, допускает интерпретацию, которой должна соответствовать весьма высокая доля бюджета в национальном доходе, превосходящая реальные показатели. В частности, к "стандартам жизни" в трактовке Масгрэйва следует отнести государственные капиталовложения в сферу образования, здравоохранения, политику в области социального обеспечения и т.д.

Независимо от того, о каком типе "общественного товара" идет речь, перед буржуазными экономистами стоит задача определить оптимальный объем их предложения, не нарушая при этом фундаментальный принцип его зависимости от индивидуальных предпочтений и, по возможности, общий для маржинализма критерий Парето и его модификации.

Сложность задачи заключается в том, что государству необходимо оценить оптимальное предложение "общественных товаров" в условиях полной неопределенности, так как принцип "неисключаемости из употребления" побуждает людей не обнаруживать свои предпочтения.

Сами маржиналисты считают эту задачу для себя основной. В частности, представитель ортодоксального маржинализма профессор Лондонской школы экономики и политики А.Прест в книге "Теория и практика государственных финансов", давший развернутую концепцию государственных финансов на базе паретианства и Кембриджской школы, указывает, что есть "грандиозная и, видимо, неразрешимая проблема, связанная с выяснением истинной природы спроса на общественные товары..." (54, с. 67).

В ситуации с полной неопределенностью неэффективны ни "демократическая", ни паретианская схемы принятия коллективных решений, так как обе могут дать искаженное представление о влиянии полезности "общественных товаров" на индивидуальное благосостояние. Поэтому в этой концепции превалирует патернализм, и определение оптимального предложения "общественных товаров" объявляется функцией субъективных предпочтений самуэльсоновского "благожелательного деспота" или "всезнающего судьи", в роли которых выступают государственные чиновники.

Маржинализм не дает и не может дать научного объяснения оптимального предложения "общественных товаров", т.е. наилучшего объема государственных бюджетных расходов. Главная причина заключается в том, что маржиналисты игнорируют сферу производства этих товаров, представляют дело так, будто буржуазное государство имеет неограниченный запас "общественных товаров" и задача состоит только в определении совокупного спроса на них и выравнивании его с предложением. Сторонники ортодоксального маржинализма прямо связывают спрос с индивидуальными предпочтениями, приверженцы патернализма лишь формально обозначают эту связь, ставя спрос на "общественные товары" в зависимость от суждений государственных чиновников.

"Демократический" и паретовский методы определения спроса на "общественные товары" и их предложения бесконечно далеки от реальной практики бюджетного регулирования. В действительности оно является элементом системы государственно-монополистического капитализма и не связано ни с постоянными референдумами, на которых решения принимаются по большинству голосов, ни, тем более, с единодушными решениями в духе Парето.

Этот глубокий дефект ортодоксального маржинализма признается некоторыми буржуазными экономистами. Особенно резкой критике он подвергается в работах экономистов институционально-социологического направления. Так, Дж.К.Гэлбрейт, анализируя размеры военного бюджета США, отмечает, что спрос на такой "общественный товар", как "национальная оборона" и его предложение, никоим образом не связаны с индивидуальными предпочтениями. Полемизируя с представителями ортодоксального маржинализма, он в работе "Технология милитаризма: проблема контроля" подчеркивает, что "государственные военные учреждения и производители вооружений сами принимают решение о том, чего они хотят или в чем они нуждаются. Они информируют об этом конгресс. Конгресс, руководимый военными бюрократами и сикофантами, спешит подчиниться. Роль граждан сводится лишь к налоговым платежам" (27, с. 42).

Более реалистической выглядит патерналистская схема, построенная Самуэльсоном и Бергсоном фактически в отрыве от индивидуальных предпочтений потребителей "общественных товаров". Однако в ней дается преувеличенная трактовка роли государственных чиновников в принятии политических решений, игнорируется их обусловленность интересами монополистического капитала. Патернализм предоставляет буржуазным экономистам большую свободу для оправдания любых действий государства. Например, рост военных расходов можно подать как следствие суждений "благожелательного деспота" (т.е. государства) об индивидуальных оценках благосостояния, а милитаризацию представить в виде средства повышения социального благосостояния.

Если рассматривать новейшие варианты концепции "общественных товаров", то наиболее значительная современная тенденция заключается в постепенном переходе к анализу сферы производства "общественных товаров". Это объясняется слишком явным противоречием между классическими маржиналистскими представлениями и реальной действительностью.

В частности, английский экономист Р.Тарви считает необходимым к пяти основным свойствам "общественного товара" прибавить шестое — он должен "как минимум один раз входить в некоторую производственную функцию" (56, с. 498).

Эконометрические модели, разработанные в последние годы, базируются, как правило, на "чистой теории государственных финансов" Самуэльсона. В них производственному фактору отводится роль внешней переменной, влияющей на идеальную схему определения оптимального предложения "общественных товаров". Например, в модели, построенной профессором экономики Токийского университета Т.Негиши в статье "Избыточное бремя и добровольная теория государственных финансов: вариант с промежуточными общественными товарами" (49), расчет оптимальной величины "квазиобщественных товаров" связывается не только с агрегированием индивидуальных предпочтений, но и с объемом прибыли в отраслях, выпускающих эти "товары". В результате расчетов по модели, как указывает Негиши, возможно отклонение размеров производства "квазиобщественных товаров" от оптимальных значений в трактовке Самуэльсона (49; с.177-180).

К сходным заключениям пришел и профессор университета штата Кентукки (США) Х.Шибата в работе "Общественные товары, рост издержек и монополия: комментарий" (67). По его мнению, спрос на "общественные товары" формируется не только и не столько индивидуальными потребителями, сколько теми, кто выигрывает от их производства и соответствующего перераспределения доходов посредством государственного бюджета. Тогда более вероятно перепотребление, чем недопотребление "общественных товаров" (67, с. 229).

Анализ производства "общественных товаров" — не единственное проявление реалистической тенденции, наблюдаемой в левом маржинализме. Другое ее проявление заключается в признании несущественности такой "проблемы", как выявление истинных индивидуальных предпочтений "общественных товаров". Эта "проблема", как было показано выше, является одним из существенных аргументов в концепции патернализма, которую защищает Бергсон, Самуэльсон и другие буржуазные теоретики. В частности, с призывом отказаться от изучения этой темы, не имеющей практического значения, выступил известный норвежский специалист в теории политики Л.Йохансен в работе "Теория общественных товаров: ненужный акцент?" (36).

С такой оценкой нельзя не согласиться. Действительно, хотя анализ общественного мнения имеет некоторое значение при определении размеров государственного бюджета и отдельных статей расходов, он вовсе не играет той гипертрофированной роли, которую навязывают ему ортодоксальные маржиналисты.

Таким образом, первая современная тенденция в концепции "общественных товаров" состоит в постепенном переходе к изучению их производства. Результатом этих исследований является вывод о зависимости бюджетных расходов не только от интересов потребителей "общественных товаров", но и от прибыльных интересов тех, кто их производит.

Другой вариант связан с применением распространенного в современной буржуазной политической экономии вероятностного подхода.

Примером может служить модель, разработанная профессором Гарвардского университета Д.Хартманом в работе "Использование ожидаемых оценок полезности в принятии решений по поводу общественных товаров в условиях неопределенности" (30):

$$U(X) = \sum_{s=1}^R P_s U(x_s, Y_s), \quad (1.36)$$

где $U(X)$ - индивидуальная оценка полезности "общественного товара" X ;

$u(x_s, y_s)$ - индивидуальная оценка полезности "общественного товара" X и множества прочих товаров y в ожидании события s ;

P_s - индивидуальная оценка вероятности того, что событие s действительно произойдет.

Хартман исходит из предположения, что один "общественный товар" может удовлетворить различные коллективные потребности, соответствовать различным социальным ситуациям, в которые попадает потребитель. Например, индивидуальный потребитель определенным образом оценивает полезность такого "общественного товара", как государственный контроль над ценами в ожидании инфляции (событие s), а также вероятность этого события. Однако контроль над ценами характеризуется многоцелевым назначением, и индивидуальные оценки полезности и вероятности будут другими, если потребитель считает возможным иной ход событий ($s + 1$). Хартман считает нужным агрегировать именно такие функции предпочтения, т.е. принцип налогообложения и оптимизации предложения "общественных товаров" в трактовке Самуэлясона модифицируется, и обычная полезность заменяется уже ожидаемой полезностью "общественного товара".

Теперь задачи "всезнающего судьи" значительно усложняются. "Благожелательному деспоту" нужно знать уже не только буквально все индивидуальные предпочтения, но и индивидуальные оценки вероятности тех или иных событий. Что же касается автора, то Хартман пишет следующее: "Представляется необходимым принять некоторый механизм, согла-

сующий индивидуальные вероятностные оценки одного и того же события, до принятия коллективного решения" (30, с. 424).

Подобный вывод следует расценивать не более как пустую фразу — Хартман оставляет в стороне реализацию своей фантастической модели.

К третьему варианту можно отнести работы, в которых рассматриваются некоторые динамические характеристики "общественных товаров". В них изучается процесс "миграции" из множества "общественных товаров" в множество "частных" и наоборот. В частности, О.Шахтер, придерживающийся концепции Самуэльсона, задающей достаточно широкие пределы количеству "общественных товаров", считает, что такой "товар", как Мировой океан, раньше обладал качествами "чистого общественного товара", а теперь остался таким лишь с точки зрения мореплавания. Ресурсы его ныне ограничены, и их индивидуальное потребление наносит ущерб интересам других потребителей. Следовательно, в ресурсной части Мировой океан из "общественного" превратился в "частный товар" (63, с. 38).

Тем самым Шахтер настаивает на полной передаче ресурсов Мирового океана в сферу частного предпринимательства и считает нужным сохранить международное регулирование только по отношению к мореплаванию, которое расценивается как "общественный товар".

Концепция "общественных товаров" устанавливает связь между коллективными потребностями, с одной стороны, и государственной политикой, удовлетворяющей эти потребности — с другой. Она представляет собой маргиналистскую интерпретацию налоговой и бюджетной политики капиталистических государств. В представлении маргиналистов размеры и структура бюджетных расходов являются денежными оценками государственных услуг ("общественных товаров"), которые предоставляются населению и потребляются им коллективно.

Так как маржиналисты считают, что человек покупает "общественный товар" по цене-диалогу, их первая реальная политическая рекомендация состоит в поддержании равновесия государственного бюджета. Второе предложение — соответствие структуры бюджетных расходов структуре коллективных потребностей, спроса на "общественные товары". Третья политическая рекомендация следует из весьма широких представлений Самуэльсона и особенно Мастрэйва о спектре "общественных товаров" и, следовательно, о размерах государственного бюджета. Она состоит в его расширении за действительно существующие пределы.

Вторая основная причина участия государства в экономических процессах — "внешние воздействия" индивидуального рыночного поведения.

"Внешние воздействия"

Главные принципы концепции "внешних воздействий" (*externalities*) были сформулированы одним из лидеров кембриджской школы А.Пигу.

Для маржиналистов оптимальное состояние экономики характеризуется равновесием между предельными социальными затратами на производство и предельными социальными продуктами, под которыми маржиналисты по существу понимают предельные социальные полезности товаров и денежных доходов. Равновесие должно существовать на всех товарных рынках и обязательно в денежной форме. Этому равновесию соответствует оптимальное распределение ресурсов.

Такая ситуация не обеспечивается рыночным механизмом. Причина дефекта рыночной системы заключается в наличии "внешних воздействий" в процессах частного производства и частного потребления, не фиксируемых рынком и не имеющих поэтому денежной меры.

"Внешние воздействия" вызывают отклонения частных

предельных продуктов и издержек от социальных предельных продуктов и издержек, нарушают равновесие, обуславливают неоптимальное распределение ресурсов. Тогда одной из важнейших функций государства становится выявление "внешних воздействий", их денежное измерение и принятие решений, компенсирующих несовершенство рыночной системы. Государство призвано "выправить" это несовершенство, уравнять социальные предельные продукты и издержки с частными, обеспечить рыночное равновесие. Такая политика будет оптимальной.

Подобное понимание экономических функций государства является фундаментальной установкой маржинализма. На это указывают К.Эрроу (3, с. 24), К.Боулдинг (7, с. 647, 648), Г.Фромм и П.Таубман (25, с. 4-5), Дж.Баркхед и Дж.Майнер (9, с.6) и другие экономисты.

Наиболее краткое и, пожалуй, точное определение "внешних воздействий" дал английский экономист С.Нат в книге "Перспективы теории благосостояния": "Внешние воздействия" — это "непродающиеся взаимозависимости" (48, с. 43).

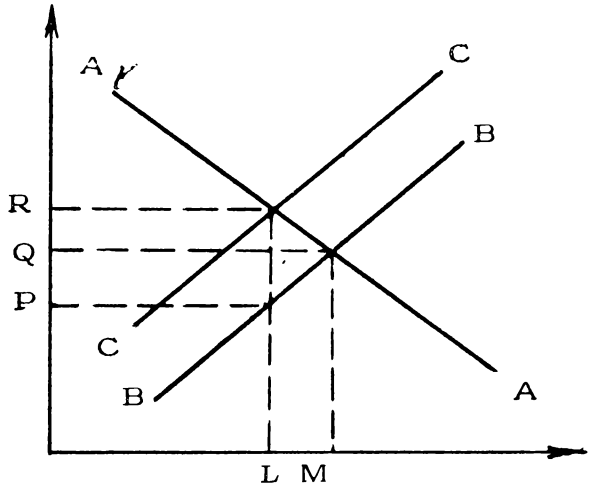
Структура "внешних воздействий" определяется их источником (производственные и потребительские) и их объектом (производство и потребление). Кроме того, каждое воздействие характеризуется знаком (позитивные или негативные). Таким образом, возможны восемь основных типов "внешних воздействий".

Рассмотрим механизм оптимизации экономической политики на примере одного из вариантов — негативных производственных "внешних воздействий" на производство.

Классический пример — загрязнение окружающей среды, вследствие которого социальные предельные затраты становятся больше частных предельных затрат. Политика в этом случае аналогична регулированию "внешних воздействий" по всем другим вариантам (рис. 1.2).

Рис. 1.2

Предельные
затраты на
производство
товара
X и спрос
на него



Объем производства и пред-
ложения товара X

На рис. 1.2 прямая AA представляет собой прямую спроса на товар X, прямая BB – прямая частных предельных затрат на производство единицы товара X. Тогда товар X должен продаваться по рыночной цене Q в количестве M единиц.

Допустим, что при производстве единицы товара X загрязняется окружающая среда, причем степень загрязнения точно измерена в деньгах и составляет величину $R - P$. В этом случае CC – прямая социальных предельных затрат на производство единицы товара X, а R – оптимальная цена. Очевидно, что при фиксированном спросе переход к цене R означает перераспределение ресурсов и сокращение объема продаж до величины L.

В такой ситуации оптимальное поведение государства должно заключаться в изъятии (тем или иным способом) у производителя товара X денежного ресурса в размере $(QM - RL)$ и его использовании для ликвидации экологического ущерба.

Другой пример – позитивное производственное “внешнее воздействие” на потребление.

Для его иллюстрации маржиналисты обычно используют так называемое положительное влияние военного производства на индивидуальное благосостояние потребителей. Их “логика” такова. Потребитель, уплачивая налог, “покупает”, в частности, такой “общественный товар”, как “национальная оборона”, и удовлетворяет свою потребность в безопасности от внешних врагов. Однако производители этой “услуги” (военные корпорации), стремясь обеспечить потребность в безопасности, способствуют развитию научно-технического прогресса, результаты которого бесплатно используются всеми членами общества. Это происходит потому, что по цене-налогу потребитель “покупает” только “национальную оборону”, а не социальное последствие милитаризации. Следовательно, потребители остаются в долгу перед военно-промышленным комплексом, ибо бесплатно увеличивают за его счет свое благосостояние.

С помощью подобной “аргументации” маржиналисты могут оправдать любые антинародные действия правительства – рост цен, увеличение налогов, субсидии военным монополиям и т.п. Подобные суждения составляют опору реакционных политических решений, связанных с гонкой вооружений.

Общая классификация “внешних воздействий” находится на довольно большом расстоянии от практических действий государства, связанных с перераспределением доходов. Этот разрыв обуславливает стремление к детализации типов “внешних воздействий”, к более конкретному их анализу, отражающее общую тенденцию к усилению практической ориентации, свойственную современной буржуазной политической экономии.

Например, профессор экономики государственного университета Аризоны А.Десерпа в статье “Заторы на дорогах, загрязнение среды и смешанные общественные товары” предлагает дифференцировать прежде всего негативные “внешние воздействия” и вводит две новые категории – “чистые неотделимые внешние воздействия” (pure unseparable externalities) и “чистые отделимые внешние воздействия”

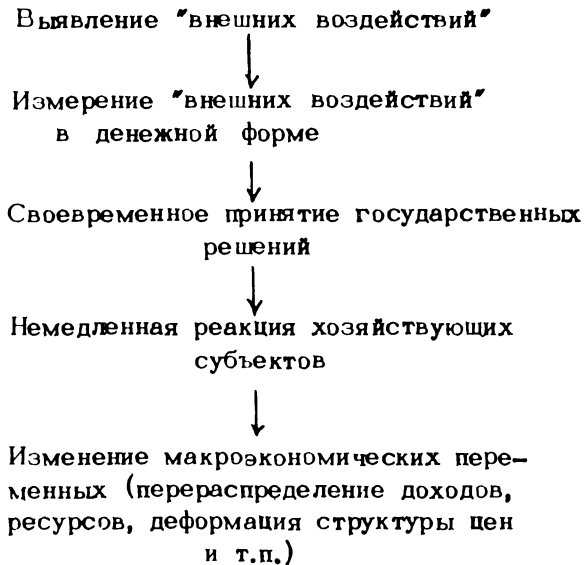
(pure separable externalities) (17, с. 70). Последние он по существу понимает как традиционные "внешние воздействия".

"Чистые неотделимые внешние воздействия" возникают тогда, когда люди, чье благосостояние они ухудшают, сами их и "производят". В частности, автолюбители, страдающие от пробок на дорогах (негативные потребительские "внешние воздействия" на потребление и производство), сами виноваты в них. В этой ситуации вызывает сомнение необходимость в государственном вмешательстве: непонятно, кого наказывать, например, ростом налогов и в чью пользу перераспределить ресурсы.

В оптимальном варианте государственные решения, регулирующие "внешние воздействия", не будут ущемлять индивидуальные экономические интересы, так как они лишь дадут денежную меру уже случившемуся росту частного предельного продукта или уже имевшему место относительному сокращению частных предельных издержек. Те участники экономического процесса, у которых государство изымает часть денежных доходов, не проигрывают: им приходится платить за уже полученные выгоды. Перераспределение доходов в пользу тех, кто несет не учтенные рынком издержки или "не добывает" частный предельный продукт, означает рост их индивидуального благосостояния.

Таким образом, оптимальная экономическая политика, направленная на компенсацию "внешних воздействий", не уменьшает индивидуальное благосостояние в одной группе хозяйствующих субъектов и одновременно увеличивает его в другой группе. Очевидно, что такие действия удовлетворяют критерию Парето и, в соответствии с функцией Парето, увеличивают социальное благосостояние.

Важно отметить, что все вышесказанное относится только к реализованным оптимальным решениям, т.е. приблизительно к следующей последовательности действий (рис. 1.3).



"Запаздывающая реакция" или "отказ" хотя бы на одной стадии делает решения неоптимальными.

Таким образом, процесс регулирования государством "внешних воздействий" проходит "гладко" только в том случае, когда оно принимает политические решения, удовлетворяющие критерию роста социального благосостояния Парето. Если хотя бы один вариант политики не соответствует этому критерию, наносит ущерб какому-то индивидуальному благосостоянию, то он сам имеет негативное "внешнее воздействие", подлежащее регулированию.

Итак, если сделать шаг в сторону реальности и признать хотя бы существование "демократического" механизма принятия решений, то оптимум экономической системы в трактовке Парето потребует дополнительных усилий государства, которому необходимо компенсировать не только несовершенство рыночного механизма, но и недостатки в собственной деятельности.

Как видно из этого примера, оптимизация экономической политики с учетом "внешних воздействий" требует выполнения заданных, жестких и трудновыполнимых условий, ибо политические разногласия и проведение буржуазными государствами политики, постоянно нарушающей критерий Парето, является не исключением, а правилом.

Нормативность предпосылок теории "внешних воздействий" составляет исходный пункт ряда концепций, нацеленных на устранение допущений. Одну из них представляют предложения о необходимости прогнозировать "внешние воздействия", выявлять их потенциальный эффект и осуществлять регулирование, препятствующее реальному возникновению этих "помех" рыночному механизму, с которыми выступает, например, А.Прест (54, с. 64).

Суждения Преста не снижают уровень нормативности концепции "внешних воздействий", не вносят в нее элементов реализма. Наоборот, они тождественны введению нового этапа в здание пустой паретянской абстракции, ибо Прест настаивает не только на регулировании всех выявленных "внешних воздействий" (что совершенно нереально), но и на их прогнозировании. Последнее требование равнозначно новому нормативному допущению о способности буржуазного государства заранее предусмотреть социально-экономические последствия всех индивидуальных рыночных действий.

Как и в концепции "общественных товаров", наиболее популярным методом обнаружения и измерения "внешних воздействий", от чего зависит оптимальная политика, является патернализм. Если его применение к "общественным товарам" оправдывалось неопределенностью, то здесь он противостоит неспособности субъектов экономической системы оценивать не имеющие денежной меры последствия своих действий. Как указывает сторонник подхода Бергсона-Самуэльсона С.Нат, "хорошо информированный государственный деятель может обнаружить важные внешние воздействия там, где наивные потребители и предприниматели вообще не подозревают об их существовании" (48, с. 46).

Современный маржинализм предлагает два способа регулирования "внешних воздействий".

Первый из них полностью опирается на традиции кембриджской школы и является математической интерпретацией идей А.Пигу об изменениях налоговой системы в соединении с субсидиями из государственного бюджета в пользу пострадавших от "внешних воздействий". Примером реализации этой концепции может служить модель, предложенная в работе М.Крауса (Бостонский колледж) и Г.Моринга (Университет Миннесоты) "Роль налогов на загрязнителей среды в решении проблемы "внешних воздействий" (38, с. 175).

Другой, более оригинальный вариант во многом основан на исследованиях Р.Маккина (Калифорнийский университет). В работе "Проблемы теории государственных расходов" (55, с. 49-50) он развивает концепцию "теневых цен", устанавливаемых государством на товары и услуги с учетом уровней "внешних воздействий". Предлагаемая оптимизация ценовой политики предусматривает значительное расширение экономических функций государства и имитацию системы цен, отвечающей условиям совершенной конкуренции.

Концепция "теневых цен" получила в настоящее время широкое распространение. На ней базируется, например, концепция "справедливой" цены в мировой торговле. В соответствии с ней цены на экспортные изделия развивающихся стран должны включать в себя не только полные издержки и компенсацию за импорт инфляции, но и компенсацию за прошлую эксплуатацию, а также "социальные издержки", гарантирующие минимальный уровень благосостояния и необходимый темп экономического роста. Такой подход к ценообразованию сейчас официально признан ООН и считается ею наиболее приемлемым для международных экономических переговоров.

Долгое время маржиналистская теория экономической политики (и концепция "внешних воздействий" вместе с ней) находилась в тени неокейнсианских представлений об экономической роли буржуазного государства. В последние годы происходит своеобразный ренессанс этой теории, обусловленный прежде всего экологическим кризисом. Например, американский экономист Л.Силк в книге "Никсономика", анализируя состояние экономической науки на Западе в контексте реальных действий ряда американских администраций, утверждает,

что в списке проблем, не решенных буржуазной экономической наукой, первые места занимают загрязнение среды, урбанизация и т.п. (69, с. 174-177). Аналогичного мнения придерживается и профессор Массачусетского технологического института Р.Солоу в монографии "Экономическая теория" (18, с. 40-41).

В концепции "внешних воздействий" содержится маржиналистская интерпретация капиталистического воспроизводства, признается взаимосвязь между отдельными производителями и потребителями. Кроме того, в ней отражается комплексный характер общественного развития, зависимость индивидуального и социального благосостояния не только от чисто экономических факторов, но и от политических, социальных и других последствий индивидуальных рыночных действий¹⁾.

То, что эти последствия в большинстве своем не имеют денежной меры, маржиналисты расценивают как неустранимый недостаток рыночной системы и связывают с его ликвидацией экономическую политику буржуазного государства. Тем самым изменяется стратегическая цель политики. Она состоит не в достижении состояния рыночного равновесия, а в так называемом поведорыночном равновесии, когда к рыночному равновесию добавляется государственное регулирование "внешних действий" в соответствии с идеальной схемой в духе Пигу.

С точки зрения реальной политики рекомендации сторонников концепции "внешних воздействий" состоят, во-первых, в перераспределении доходов через бюджетный механизм, предусматривающий значительное расширение объема доходов и расходов; во-вторых, в тотальном регулировании цен в духе Маккина.

Маржиналистские концепции функции социального благосостояния, принятия коллективных решений, "общественных товаров" и "внешних воздействий" находят концентрированное выражение в теории государственных финансов.

1) В последние годы эта проблема, сформулированная еще Пигу, была вновь "открыта" экономистами институционально-социологического направления.

Представления о системе государственных финансов являются последним звеном в маржиналистской теории экономической политики. По ним можно судить о практической эффективности маржинализма как метода анализа экономических функций государства.

Система теоретических воззрений Парето и его последователей получила название "добровольной" теории государственных финансов, или подхода к ним с точки зрения индивидуальной выгоды (*benefit approach*).

В центре паретианской концепции государственных финансов находится традиционное для классической теории смитовское понимание рациональных действий индивидуального участника хозяйственной системы. Рационализм заключается в стремлении каждого участника оптимизировать разницу между индивидуальными предельными оценками выгод и затрат, возникающих в результате собственного экономического поведения. Тогда налог выступает в виде цены "услуг", предоставляемых государством. Хозяйствующий субъект добровольно "жертвует" частью денежного дохода потому, что он оценивает предельную "жертву" ниже или, как минимум, равной потенциальной предельной выгоде (полезности) от государственного решения.

Индивидуальные предпочтения служат, таким образом, ориентиром при формировании налогового законодательства и дифференциации налогов. Более того, если выявлены индивидуальные предпочтения и определена сумма доходов, становится примерно ясным и объем бюджетных расходов. Он, в конечном счете, жестко лимитируется предельными оценками индивидуального благосостояния.

В том случае, если налоговая и бюджетная системы построены именно так, любое государственное решение и действие не нарушает любой индивидуальный экономический интерес. Иными словами, данный вариант экономической политики будет оптимальным в соответствии с трактовкой Парето.

Основным условием оптимальности является достижение рыночного равновесия, при котором сумма индивидуаль-

ных оценок "пределных жертв" в масштабе народного хозяйства будет равна сумме индивидуальных оценок предельных выгод вследствие экономической политики. В идеальном случае государственный сектор должен действовать таким образом, чтобы совокупная частная жертва, обусловленная последним долларом налога, равнялась совокупной частной выгоде, обусловленной последним долларом государственных расходов", — так определяют оптимум системы государственных финансов представители ортодоксального паретианства Дж.Баркхэд и Дж.Майнер (9, с. 20).

Можно заметить, что такой критерий оптимальности соответствует классическим маржиналистским представлениям о необходимости равновесия государственного бюджета.

Дальнейшее развитие паретианской концепции можно найти в работах К.Викселла и Э.Линдаля.

Особо необходимо остановиться на идеях Викселла. После ряда забвения его концепция стала пользоваться большой популярностью в современной буржуазной теории государства. В частности, такой авторитетный специалист по экономическим теориям, как английский экономист Л.Роббинс, автор книги "Эволюция современной экономической теории и другие работы по истории экономической мысли", отмечая большое влияние идей австрийцев, Вальраса и Парето, вместе с тем считает теорию Викселла "обобщением всего лучшего, что было создано в экономической науке за предыдущие 100 лет" (57, с. 213).

Основной принцип Викселла заключается в сохранении абсолютной зависимости всякого решения о государственных расходах от оценок индивидуального благосостояния. При этом необходима детальная дифференциация индивидуального налога: каждый его элемент должен быть равен индивидуальной предельной выгоде от соответствующего государственного решения. Размер государственных расходов на каждую цель становится тогда равным сумме налоговых поступлений от той части населения, которая рассчитывает увеличить свое благосостояние вследствие реализации этой цели. Так как любая государственная программа финансируется только теми, кто видит в ней средство повышения своего благосостояния,

групповые решения базируются на принципе единодушия. Это — решения “пакетного” (налоги + расходы) типа.

Размеры национального дохода и, соответственно, государственного бюджета небесконечны. Как же примирить приведенные выше суждения с ограниченностью ресурсов? Викселл видел выход в некотором компромиссе, “свободно достигаемых соглашениях” между социальными группами. Такие “соглашения”, обеспечиваемые государством, должны уменьшить (когда это необходимо) индивидуальные потребности в государственных “услугах” и тем самым “втиснуть” все государственные программы в фиксированные рамки государственного бюджета.

Эту позицию поддерживает Э. Линдаль в предисловии к “Избранным трудам по экономической теории Кнута Викселла” (66, с. 34–35).

Вклад Викселла в развитие маржиналистской теории экономической политики ограничивается в основном попыткой связать концепцию Парето и прежде всего его критерий роста социального благосостояния с принятием политических решений в сфере государственных финансов. Как показано выше, Викселл дал чисто маржиналистскую, далекую от научности, трактовку этой связи. Кроме того, идеи Викселла отличаются вклектичностью; в частности, не видно их принципиальных отличий от конструкции Парето. Реализация этой концепции потребовала бы грандиозной перестройки экономико-политического механизма в развитых капиталистических странах, что по меньшей мере маловероятно. Как отмечает в работе “Экономические доктрины Кнута Викселла” К. Ур (Калифорнийский университет), Викселла интересовали различные проблемы экономической теории, кроме одного вопроса: как его система будет реально функционировать (78, с. 176)?

Очевиден социальный смысл викселловских “свободно достигаемых соглашений” между отдельными слоями капиталистического общества. Они являются одним из вариантов пропаганды надклассовой природы буржуазного государства, “социального мира” и других антинаучных элементов буржуазной идеологии.

Определенное место в развитии маржиналистской теории государственных финансов занимают взгляды Линдаля.

В отличие от Парето и Викселла, рассматривавших налог—цену как величину, равную индивидуальной оценке предельной полезности потенциального "общественного товара", Линдаль подошел к "добровольной" теории государственных финансов и соответствующей модели равновесия более комплексно, ввел в них обычные, "частные" товары. У него потребитель постоянно находится в ситуации "добровольного" выбора между "общественными" и "частными" товарами. Потребитель имеет денежный доход и может его использовать либо на покупку "частных" товаров, либо на приобретение "общественных" товаров путем уплаты налога. Выбор между альтернативами полагается зависимым от соотношения между индивидуальными оценками полезности "частных" и "общественных" товаров.

Тогда, по Линдалю, налоговая структура (соотношение индивидуальных налогов) должна строго соответствовать структуре индивидуальных предпочтений "общественных" товаров по сравнению с "частными". Линдаль назвал эти предпочтения предельными нормами замены полезности единицы "общественного" товара полезностью единицы денежного дохода, которая у него определяет потребление "частных" товаров. Иными словами, разница между налогом, который платит потребитель А, и налогом, который платит потребитель В, должна точно совпадать с тем, насколько потребитель А оценивает полезность "общественного товара" выше, чем полезность денег. по сравнению с аналогичной оценкой потребителя.

В. Линдаль считал возможным численно сосчитать все предельные нормы замены и, следовательно, определить не только налоговую структуру, но и сами размеры индивидуальных налогов.

Но более существенной, как это показано выше, оказалась постановка проблемы, "открывшей ворота" для целого потока исследований буржуазных экономистов. Линдаль подверг сомнению допущение своих предшественников о действительном существовании и, главное, возможности выявления индивидуальных предпочтений всех государственных "услуг", в том числе "чистых общественных товаров".

Современные маржиналисты поставили проблему, сформу-

лированную Линдалем, в центр концепции "общественных товаров". Пресловутая "неразрешимость" ее служит сейчас главным аргументом у сторонников патерналистского метода определения размеров государственного бюджета и структуры его расходов.

Краткий анализ концепций Парето и шведских экономистов имеет существенное значение потому, что современный маржинализм предлагает по существу лишь модификации этих концепций.

Это видно, в частности, на примере концепции Самуэльсона, наиболее серьезным вкладом которой можно считать патерналистские суждения о способе обнаружения индивидуальных предпочтений "общественных товаров".

В "чистой теории государственных расходов и налогообложения" Самуэльсон утверждает, что частичное равновесие экономической системы достигается при условии равенства суммы предельных норм замены в интерпретации Линдаля и предельных издержек производства соответствующего "общественного товара". Если это соотношение поддерживается по всем "общественным товарам", в том числе и "чистым", то налицо ситуация общего равновесия.

Действия государства, обеспечивающие равновесие, являются оптимальными, т.е. равновесию соответствуют оптимальные объем и структура всех "общественных товаров", а также оптимальная налоговая система, которая базируется на предельных нормах замены по Линдалю. При этом, по мнению Самуэльсона, факторы, определяющие производство "общественных товаров", явно контролируются государством, а индивидуальные предельные нормы замены по Линдалю, которые не может обнаружить "демократический" механизм, известны "всезнающему судье" в лице государства (56, с. 103-104).

Патернализм Самуэльсона и его последователей при определении индивидуальных предпочтений делает бессмысленным "добровольный подход" к налогообложению, который заменяется в этой концепции принудительной процедурой, или подходом с точки зрения способности платить налоги (ability-to-pay approach).

Сейчас в маржиналистской теории государственных фи-

нансов насчитывается пять основных методов распределения налогового бремени, связанного с финансированием "чистых общественных товаров". Эти варианты опираются как на последовательно паретианский, так и на самуэльсоновский подходы к налогообложению и касаются лишь части совокупного индивидуального налога.

1. Так как индивидуальные предпочтения "чистых общественных товаров" обнаружить нельзя, а выгоды от них распределяются поровну, необходимо равное налогообложение всех граждан.

2. Для финансирования "чистых общественных товаров" вполне пригодна существующая система подоходного налогообложения, ибо именно доход является конечным показателем способности платить налог¹⁾.

3. Распределение налогов должно быть таким, чтобы совокупные (в масштабе всей экономики) потери в индивидуальной полезности денежных доходов были минимальными (minimum aggregate sacrifice criterion).

4. Величины индивидуальных налогов должны гарантировать одинаковое снижение абсолютных размеров предельной полезности денежных доходов у всех налогоплательщиков.

5. Система налогообложения должна обеспечивать равное относительное сокращение предельной полезности денежных доходов у всех налогоплательщиков. Необходимо выполнение следующего соотношения:

$$\frac{U_1(Y_1) - U_1(Y_1 - T_1)}{U_1(Y_1)} = \dots = \frac{U_n(Y_n) - U_n(Y_n - T_n)}{U_n(Y_n)} = \frac{U(Y) - U(Y - T)}{U(Y)}$$

где n - количество налогоплательщиков;

$U_i(Y_i)$ - индивидуальная предельная полезность денежного дохода Y_i ($i = 1, \dots, n$);

T_i - сумма индивидуального налога.

1)

Вполне очевидно, что в первых двух предложениях подразумевается предпосылка А. Маршалла о равенстве индивидуальных предельных полезностей единицы денежного дохода.

Если рассматривать современные варианты маржиналистской теории государственных финансов, то следует, наряду с ортодоксальными суждениями, отметить тенденцию к проникновению в "царство предельной полезности" неокейнсианских представлений.

Это прежде всего относится к неокейнсианской дифференциации налоговой и бюджетной политики, которые рассматриваются как мало зависящие друг от друга инструменты регулирования. Примером может быть модель, разработанная датским экономистом П.Андерсеном в статье "Оптимальная налоговая структура в экономике с тремя товарами и одним потребителем". В ней в явной форме утверждается идея автономии налоговой и бюджетной политики, т.е. происходит очевидный отход от викселлевских "пакетных" решений. Критерий оптимальности налоговой системы заключается уже не в ее соответствии структуре предельных норм замены по Линдалю, а в сокращении индивидуального благосостояния потребителя, покупающего товары, цены которых зависят от набора вариантов налоговых решений (1, с. 189).

В методологическом отношении концепции государственных финансов свойственны черты маржинализма в целом, прежде всего нормативность и субъективно-психологический подход.

Попробуем выявить заключения маржиналистов, которые с достаточно высокой степенью приближения можно считать практическими рекомендациями. Итак, для определения оптимальной величины индивидуального налога государство должно: а) знать предельные нормы замены по Линдалю, индивидуальных оценок полезности единицы каждого "общественного" или "квазиобщественного" товара индивидуальными оценками полезности единицы денежного дохода; б) знать оценки "благожелательного деспота" по нормам замены в смысле Линдаля, относящимся к "чистым общественным товарам", ибо маржиналисты считают невозможным иначе определить спрос на них; в) иметь государственные оценки налогов, обусловленных "внешними воздействиями" индивидуального рыночного поведения и призванных обеспечить денежное равновесие частных и социальных предельных выгод и издержек; г) удерживать объем расходов государственного бюджета на

уровне, равном сумме предельных норм замены и сумме патерналистских оценок. Кроме того, государство должно изменять налоговую политику в соответствии с динамикой макроэкономических целей и постоянно сопоставлять возможные реформы с существующей системой подоходного налогообложения, оценивая в последнем случае свои действия по методу "затраты-выгоды".

Решение этого комплекса задач непосильно любому буржуазному государству.

Маржиналистская теория экономической политики имеет серьезные методологические недостатки и в своем современном состоянии находится на значительном расстоянии от выполнения практической функции.

Маржиналистскую теорию политики можно охарактеризовать как микроэкономический нормативизм. Ее сторонники используют категории микроэкономики в системе нормативных моделей, описывающих идеальное состояние экономики. Оптимизация экономической политики рассматривается как процесс достижения идеального состояния при условии соблюдения нормативных предпосылок, далеких от реальности.

Как отмечает английский экономист Дж.Дентон в работе "Политическая экономия изменения", маржиналисты "получают удовольствие от разработки простых и элегантных моделей, имеющих большую эстетическую привлекательность. Но если создание моделей основано исключительно на нереалистических гипотезах, практическая ценность науки приносится в жертву эстетике точно так же, как это было в античной мифологии" (51, с. 43).

Маржинализм не дал ответов на вопросы, поставленные капиталистической действительностью, и довел теорию политики до такого сверхабстрактного уровня, когда наука превратилась в разновидность интеллектуальной игры, почти не имеющей практического значения. Такое состояние науки вошло в противоречие с потребностями буржуазных государств, для которых характерны расширение экономической деятельности, повышение роли политики в экономическом развитии.

В рамках буржуазной политической экономии маржинализм подвергается критике по двум направлениям — справа и слева.

Критика справа воплощена в политической концепции либерализма. На микроэкономическом уровне эта концепция основывается на исследованиях экономистов неоавстрийской школы, лидерами которой являются Ф.Хайек и Ф.Махлуп. Либерализм ставит под сомнение один из основных принципов маржинализма – смитовскую модель индивидуального поведения, заменяя максимизацию индивидуальных оценок благосостояния максимизацией индивидуальной свободы экономического поведения. В практическом плане представления современных либералов сводятся к предложениям ограничить до минимума функции и масштабы экономической политики государства. На уровне макроэкономики концепция либерализма представлена монетаризмом, стержнем которого являются теоретические разработки чикагской школы.

Критика слева осуществляется сторонниками неокейнсианской теории экономической политики.

2. НЕОКЕЙНСИАНСКАЯ ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Неспособность маржиналистов предложить удовлетворительные ответы на вопросы, стоящие перед экономической наукой, послужила стимулом для развития нового направления в теории политики. Оно поставило своей целью создание теории оптимальной экономической политики с обязательным доведением ее результатов до уровня практических рекомендаций. Методологическую основу этой теории составили макроэкономические соотношения, разработанные Дж.М.Кейнсом и неокейнсианцами.

Дж.Пекмэн (Брукингский институт), давая долгосрочный прогноз развития экономической науки на Западе, считает преодоление "неэмпирической направленности" теории благосостояния одной из главных задач современной буржуазной политической экономии, а профессор Йельского университета Дж.Тобин видит в "великой хартии вольностей" Дж.М.Кейнса вообще единственную законную основу для любой теории экономической политики (18, с.47, 113).

Неокейнсианскую теорию политики можно считать макроэкономическим позитивизмом. Ее последователи используют категории макроэкономики для создания концепций, описывающих реальную экономическую политику буржуазных государств.

В отличие от маржинализма неокейнсианская теория политики имеет одно основание – модель, изложенную в книге Я.Тинбергена "О теории экономической политики" (75) и представляющую собой чертеж моста между кейнсианством и практической политикой. Поэтому структура теории определяется уровнем разработки и значением отдельных аспектов концепции Тинбергена и включает в себя следующие элементы: 1) основная модель Тинбергена; 2) целевая функция; 3) кривые Филлипса; 4) фактор времени.

Отдельное место занимает политическая концепция чикагской школы, относящаяся к неоклассическому направлению. Ее развитие находится под сильным воздействием кейнсианских идей.

Основная модель Я.Тинбергена

По мнению Тинбергена, формирование оптимальной экономической политики должно начинаться с "фиксации индикатора коллективных предпочтений". Посредством этого "индикатора" определяются фиксированные, "желаемые", оптимальные уровни целей политики (целевых переменных).

Затем следуют подбор соответствующих инструментов политики (инструментальных переменных) и установление соотношений между целями и инструментами. Наконец, рассчитываются оптимальные значения инструментов (т.е. находится оптимальная политика), обеспечивающие "желаемые" значения целевых переменных (75, с.4).

В этой связи методологически важны три обстоятельства.

Во-первых, "индикатор коллективных предпочтений" понимается Тинбергенем как некая функция $Q = Q(Y_1, \dots, Y_n)$, в которой Y_1, \dots, Y_n – цели экономической политики и которая зависит от "объединения, а следовательно, и взвешивания индивидуальных интересов" (75, с.2–3). Функция Q должна определяться так, чтобы ее можно было максимизировать.

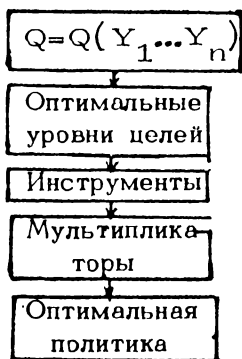
Во-вторых, соотношения между целями и инструментами оцениваются Тинбергеном исходя из моделей макроэкономического общего равновесия Дж.М.Кейнса и являются, по существу, мультипликаторами.

В-третьих, Тинберген считает принципиально необходимым условием достижения оптимума политики неравенство $m \neq n$, где m – количество инструментов, n – количество целей (75, с.27). Впоследствии буржуазные экономисты, склонные к математической символике, стали называть это неравенство "теоремой Тинбергена".

Сейчас "теорема Тинбергена" превратилась в фундаментальный принцип буржуазной эконометрики, на котором базируются макроэкономические модели, применяемые в реальном "планировании" в капиталистических странах. На это, в частности, указывает профессор Нью-Йоркского университета К.Сато в работе "Применение макроэкономических моделей в национальном планировании и проектировании" (62, с.39-40).

Таким образом, процесс оптимизации экономической политики, согласно Тинбергену, выглядит так (рис.2.1).

Рис.2.1



Структура целей находится в постоянном движении и отражает комплекс народнохозяйственных задач, стоящих перед правительствами западных стран. Характерно, что Тинберген в 1951 г. относил, например, уровень цен (сейчас важнейшую целевую переменную) к числу переменных, вообще не имеющих отношения (*irrelevant*) к теории экономической политики (75, с.8).

Набор инструментов состоит, как правило, из бюджетной (расходной) политики, налоговой политики, кредитной политики, денежной политики, валютной политики. Сторонники теории многоцелевой оптимизации экономической политики определяют мультипликаторы на базе множества макромоделей кейнсианского типа.

Например:

$$Y = a + b(1-t) Y + I + G \dots, \quad (2.1),$$

где Y - национальный доход;
 b - предельная склонность к потреблению;
 t - доля налогов в национальном доходе;
 I - частные инвестиции;
 G - государственные закупки товаров и услуг;
 a - const.

В уравнении (2.1) Y - цель (экономический рост),
 G - инструмент (государственные расходы).

Из (2.1) получим:

$$Y = \frac{a + I + G}{1 - b(I - t)}. \quad (2.2)$$

Дифференцируя (2.2) по G , имеем:

$$\frac{dY}{dG} = \frac{1}{1 - b(I - t)}. \quad (2.3)$$

Выражение (2.3) является мультипликатором "расходы - рост".

Другой пример:

$$Y = C + I + G \quad (2.4)$$

$$C = a + bY \quad (2.5)$$

$$I = dY + hi, \quad (2.6),$$

где C - потребление;
 i - норма процента;
 d, h - const.

Из (2.4) - (2.6) получаем:

$$Y = \frac{a - hi + G}{1 - b - d}. \quad (2.7)$$

Дифференцируя по i , получим:

$$\frac{dY}{di} = \frac{-h}{1 - b - d} \cdot \quad (2.8)$$

Выражение (2.8) является мультипликатором "норма процента - рост".

Подобным же образом можно рассчитывать денежный, налоговый и валютный мультипликаторы по экономическому росту и по всем другим целям. Можно в макромоделях, а следовательно, и в мультипликаторах, учесть торговый баланс, сбалансированность бюджета и другие факторы. Все мультипликаторы легко оценить численно, используя данные статистики.

Для расчета мультипликаторов необходимо, чтобы любая цель была непрерывной и дифференцируемой функцией любого инструмента.

Данный подход является намного более продуктивным, чем изучение связей между целями и инструментами с помощью аппарата корреляционного анализа. Примером может служить модель, предложенная американским экономистом Э.Бенуа (Колумбийский университет) в работе "Экономический рост и военные расходы в развивающихся странах". В ней одна цель - экономический рост - и три инструмента - военные расходы, норма накопления и потоки помощи из-за рубежа.

Расчет коэффициентов корреляции показывает, что по степени эффективности воздействия на экономический рост военные расходы всего на 1/3 отстают от нормы накопления и значительно опережают потоки помощи (5, с.275).

Можно, разумеется, отметить, что норму накопления вряд ли можно считать инструментом, ибо не она влияет на экономический рост, а само накопление, которое далеко не полностью контролируется государством, что в модели слишком мало факторов, влияющих на темпы роста, да и они не являются основными и т.п.

Однако не это главное. Получив результат на основе непригодной методологии, Бенуа ищет ему теоретическое оправдание. Они пускают в ход устаревшие представления правого кейнсианства о "полезности" военных расходов для за-

нятости, технического прогресса и т.д. Инфляция тоже оказалась важным фактором роста физического объема национального дохода.

Модель Бенуа очевидно показывает, что использование методов корреляционного анализа в теории экономической политики приводит к совершенно неверным результатам.

Модель Тинбергена проста и абстрактна. Попробуем установить предпосылки, которые обеспечивают этот уровень абстракции. На их основе можно будет судить о дальнейшей эволюции подхода Тинбергена, о современных некейнсианских концепциях оптимизации экономической политики.

1. Виды и количество макроэкономических переменных, входящих в целевую функцию, а также их оптимальные значения определяются индивидуальными предпочтениями.

Эта предпосылка означает, по существу, отказ от собственной, отличающейся от маржиналистских, концепции формирования целевой функции и поиска оптимальных значений ее элементов.

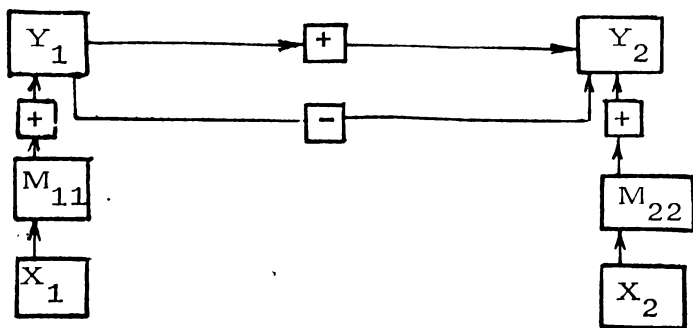
2. Оптимальные значения целевых переменных фиксированы и не изменяются во времени.

3. Имеется жестко ограниченное соотношение между количествами целевых и инструментальных переменных.

4. Элементы целевой функции определяются автономно и не зависят друг от друга.

Смысл этой предпосылки показан на рис.2.2.

Рис.2.2



На рис.2.2 Y_1, Y_2 - элементы целевой функции, X_1, X_2 - инструменты политики, M_{11}, M_{22} - мультипликаторы, знак (+) означает воздействие, соответствующее знаку мультипликатора, знак (-) характеризует воздействие, противоположное знаку мультипликатора.

В экономике капиталистических стран встречаются две ситуации: 1) изменения одной цели положительно влияют на уровень другой и тем самым дополняют действие соответствующего инструмента; 2) изменения одной цели отрицательно влияют на динамику другой цели. Например, если X_1 - рост предложения денег, Y_1 - уровень цен, X_2 - инструмент, влияющий на экономический рост, Y_2 - темп экономического роста в текущих ценах, то возможна первая ситуация; если X_1 - рост предложения денег, Y_1 - уровень цен, X_2 - валютный курс, изменяющийся с целью расширения экспорта, Y_2 - сальдо платежного баланса, то возможна вторая ситуация, когда инфляционный рост цен отрицательно сказывается на экспорте и платежном балансе.

Таким образом, предпосылку № 4 можно разделить на предпосылку № 4.1 о положительном эффекте взаимодействия целевых переменных и предпосылку № 4.2 об отрицательном результате их взаимодействия, т.е. о внутренней противоречивости целевой функции, вытекающей не из ограниченности ресурсов, а из взаимозависимости целевых переменных.

5. Существует абсолютная эластичность целей по национальным инструментам политики, т.е. влияние мировой экономики на значение мультипликаторов выражается лишь в экспортно-импортных параметрах.

6. Инструменты обладают абсолютным быстроедействием, лагов не существует.

7. Величины мультипликаторов фиксированы и не изменяются во времени.

8. Не существует "вторичного эффекта" - противоречивого во времени воздействия одного инструмента на одну цель.

Между тем, например, известный метод антиинфляционного регулирования - рост налогов может со временем оказаться инфляционным фактором из-за постепенного увеличения издержек производства.

9. Инструменты не зависят друг от друга.

Вряд ли, однако, экспансионистская расходная политика может в конечном счете оставить без изменения предложение денег.

10. Существует абсолютная структурная эластичность целей по инструментам.

Например, любые виды государственных расходов с одинаковой эффективностью влияют на занятость.

11. Макроэкономические и другие, неэкономические, цели государственной политики, достижение которых обеспечивается инструментами, непротиворечивы.

В частности, если государство старается стимулировать научно-технический прогресс с помощью бюджетных рычагов и в то же время рассматривает бюджетные расходы как инструмент экономической стабилизации и роста, то любые изменения государственных расходов, обусловленные стабилизацией и ростом, не должны наносить ущерба целям научно-технической политики.

12. Ресурсы, имеющиеся в распоряжении государства, неограничены.

В действительности государство располагает определенными объемами финансовых ресурсов, ориентируется на допустимые пределы изменения процентных ставок, валютного курса и параметров денежной системы. Помимо чисто экономических границ, "поле" государственных решений лимитируется жесткой и малоподвижной законодательной системой, внутриполитическими и внешнеполитическими соображениями и т.д.

Ограниченность ресурсов оказывает серьезнейшее воздействие на оптимизацию политики, ибо в соответствии с "классическими" установками, величины мультипликаторов в принципе фиксированы, а значения оптимальных уровней целей зависят только от функции государственного предпочтения.

13. Существует прямая связь между политическими инструментами и конечными макроэкономическими целями, т.е.

целевая функция и набор инструментов имеют векторный характер¹⁾.

В действительности целевая функция не является однопорядковой и представляет собой матрицу целей разных уровней, причем цели более низкого ранга выполняют роль инструментов по отношению к целям более высоких уровней.

14. Отсутствует эффект, который можно назвать "перекрестной эластичностью инструментов по целям".

Пусть произошло отклонение значения цели y_1 от оптимального уровня y_1^* . Тогда, по логике Тинберггена, необходимо привести в движение систему инструментов \bar{X} которая поставит цель на место тогда, когда $\bar{X} = \bar{X}^*_1$. Однако, если учитывать фактор времени и взаимозависимость элементов целевой функции, пока система значений \bar{X} приближается к системе значений \bar{X}^*_1 , может произойти неконтролируемое воздействие цели y_1 на цель y_k . Нежелательная динамика последней диктует необходимость новой перестройки системы инструментов \bar{X} до положения \bar{X}^*_k , причем лаг у системы мультипликаторов (\bar{X}, y_1) должен быть меньше, чем междуцелевой лаг $(y_1; y_k)$. В дальнейшем этот процесс может пойти в обратном направлении и т.д.

В действительности этот эффект существует. В частности, директор английского Королевского института международных отношений Э.Шонфилд в монографии "Международные экономические отношения в западном мире" пришел к выводу, что в послевоенные годы для всех развитых капиталистических стран в периоды замедления темпов экономического роста (y_1) был характерен "старомодный националистический стиль"¹⁾ в экономической политике, обусловленный ухудшением платежного баланса (y_k) (33, с.124).

Это означает, что правительства стремились улучшить цель y_k , ухудшение которой в значительной мере было вызвано изменениями цели y_1 , с помощью протекционизма. Подобная односторонняя политика, включающая налоговые, фиксальные и другие нетарифные мероприятия, оказывает одновре-

1)

По иронии судьбы именно эта предпосылка взята на вооружение монетаризмом — главным соперником современной неокейнсианской теории политики.

менно положительное влияние на Y_k и отрицательное влияние на Y_1 .

Данный пример показывает, что в реальности система инструментов \bar{X} недостаточно гибкая, что обусловлено лагами, количеством инструментов, неустойчивостью мультипликаторов и другими причинами.

Существование в основной модели Тинбергена четырнадцати предпосылок показывает, что она построена на достаточно высоком уровне абстракции и не может быть прямо использована для разработки практических рекомендаций в области экономической политики. Каждая предпосылка, имевшая для Тинбергена аксиоматическое значение, в действительности равнозначна постановке проблемы, от степени решения которой зависит практический смысл основной модели. Если модель Тинбергена представляет собой чертеж моста между теорией и реальной политикой, то решение этих проблем можно интерпретировать как создание его конструкции.

Поэтому современная эволюция неокейнсианской теории политики характеризуется прежде всего попытками ликвидировать или ослабить допущения 1-14. В них воплощается объективный процесс научной эволюции, потребность в создании надежной теоретической основы государственных решений¹⁾.

Наиболее массовой атаке подверглась предпосылка № 5. Она оказалась стимулом для появления большого количества работ, в которых либо анализируется эффективность инструментов национальной экономической политики с учетом процессов, происходящих в мировой экономике, либо вводятся новые целевые переменные.

Впервые проблема разной эффективности инструментов при условии введения в число целей, например, платежного баланса, была рассмотрена Р.Манделлом. Его концепцию следует рассматривать и как реакцию на предпосылку № 12 (неограниченность ресурсов, которыми располагает государство), так как перебор политических вариантов в соответствии со значениями мультипликаторов имеет смысл только в условиях ограниченности ресурсов, а также на предпосылку

¹⁾ Изучение предпосылок, связанных с целевой функцией и фактором времени, проводится в соответствующих разделах.

№ 14 (отсутствие "перекрестной эластичности инструментов по целям").

Манделл установил, что если в целевую функцию включен "внешний баланс" (равновесие платежного баланса) и выдерживается "теорема Тинбергена" (предпосылка № 3), то государственные расходы обладают приоритетом по сравнению с предложением денег по степени воздействия на рост национального дохода, а предложение денег имеет приоритет по сравнению с государственными расходами по степени воздействия на платежный баланс.

Иными словами:

$$Y_G > Y_m, \quad (2.9)$$

$$B_m > B_G, \quad (2.10)$$

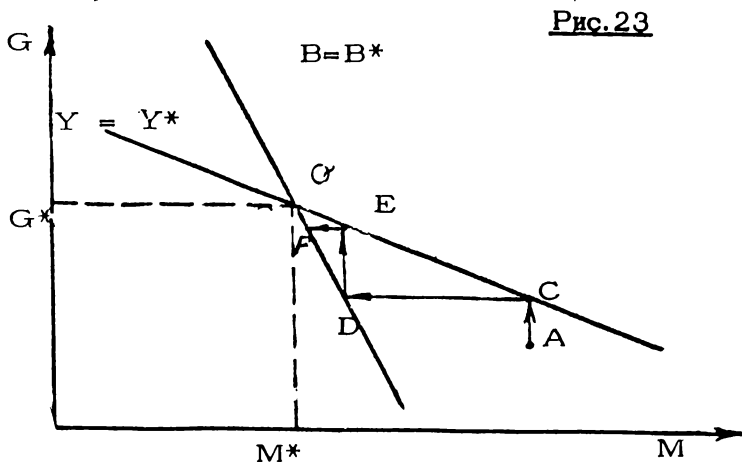
где Y_G - мультипликатор "расходы - рост";

Y_m - мультипликатор "количество денег - рост";

B_m - мультипликатор "количество денег - платежный баланс";

B_G - мультипликатор "расходы - платежный баланс".

Если Y^* и B^* - оптимальные значения целевых переменных, а G^* и M^* - оптимальные значения инструментов, то графически формирование оптимальной политики выглядит так (рис.2.3).



Пусть экономика находится в состоянии А, когда $Y \neq Y^*$, $B \neq B^*$. Например, в этом положении наблюдаются низкие темпы экономического роста и нежелательный дефицит платежного баланса. Тогда необходима бюджетная экспансия, приводящая экономику в состояние С, где $Y=Y^*$, но $B \neq B^*$. После этого нужно уменьшить предложение денег и перевести экономику в точку Д, где $B = B^*$, но $Y < Y^*$. Следующий шаг – расширение государственных расходов до точки Е и т.д. В конечном счете итеративно достигается экономический оптимум в точке Q ($Y=Y^*$, $B = B^*$) путем оптимальной политики ($M = M^*$, $G = G^*$), т.е. экономика "загоняется" в оптимальное положение.

Очевидно, что "разделение труда" между инструментами, предложенное Манделлом, или, как его называют буржуазные экономисты, "принцип эффективной рыночной классификации", является еще одним шагом от неокейнсианской теории к практической политике.

Если принцип Манделла понимать в самом общем виде, то расчеты альтернативных мультипликаторов можно дополнить оценками эффективности по методу "затраты – выгоды". Тогда результаты становятся более или менее пригодными для того, чтобы служить приблизительными ориентирами для политических решений.

В этом плане можно выделить некоторые исследования, имеющие практический выход.

По расчетам английского экономиста Б.Козна в книге "Международная мобильность и движение капиталов", между такими инструментами, как ограничения международного движения капиталов, внешнеторговые ограничения и регулирование внутреннего спроса, имеются значительные различия по степени их воздействия на платежный баланс, причем наибольший мультипликатор характерен для первого инструмента (34, с.44).

Профессор Гавайского университета Х.Хеллер в монографии "Международные финансовые отношения" показал, что по эффективности влияния на платежный баланс для одних стран девальвация имеет приоритет перед внутренней политикой до-

ходов, тогда как для других стран преимущество имеет политика доходов (31, с.103, 134).

Обе модели составляют лишь фрагмент огромного потока исследований изменений национальных мультипликаторов под воздействием мирохозяйственных переменных.

Буржуазные экономисты пришли практически к единодушному заключению: если сохраняется такой элемент международной валютной системы, как фиксированные валютные курсы, и если в кейнсианские макромоделли включены мировые различия в ставках процента и международные перемещения краткосрочных капиталов, резко сокращаются бюджетные и денежные мультипликаторы всех типов – по экономическому росту, ценам и т.д. К такому выводу пришли Р.Купер в статье "Денежная теория и политика в открытой экономике" (12, с.149), канадский экономист Дж.Флойд (Торонтский университет) (34, с.115), западногерманский экономист М.Портер в работе "Потоки капиталов как противовес денежной политике: опыт ФРГ" (52, с.398) и другие экономисты.

Это означает, что в условиях "открытой" экономики инструменты национальной политики малоэффективны. Например, антиинфляционное регулирование может быть сведено на нет международной миграцией краткосрочных капиталов, причем воздействие мирохозяйственных процессов на величины мультипликаторов является с точки зрения национальной политики неуправляемым и неопределенным.

В этом процессе есть и "обратная связь". Ориентация экономической политики на достижение национальных целей дестабилизирует мировую структуру платежных балансов и международную валютную систему. Такое влияние также является неуправляемым и неопределенным, но уже с точки зрения мирового капиталистического хозяйства.

В этой ситуации буржуазные экономисты часто прибегают к созданию фантастических проектов. В частности, Р.Масгрэйв видит выход в утопической международной координации политики, направленной на строгое соблюдение каждой страной "принципа эффективной рыночной классификации" Манделла (47, с.330). Например, для регулирования платежного баланса "законно" использовать только изменение количества

денег и т.п. Экономический советник МБРР И.Фридмен в книге "Будущее международной валютной системы" предлагает систематически проводить международные консультации для согласования национальной политики и затем принудительно корректировать целевые функции каждой страны, исходя из "международных интересов" (70, с.146).

В будущем, видимо, под воздействием объективной необходимости в создании законченной теории регулирования, буржуазные экономисты продолжат усилия, направленные на ликвидацию других предпосылок основной модели Тинбергена. В частности, уже появились работы, в которых рассматривается структурная эластичность целей, например книга Р.Купера (11). То же, наверное, произойдет с предпосылками № 8, 9 и др. Тем самым будет создана система прикладных эконометрических моделей, закончено формирование промежуточного элемента между основной моделью Тинбергена и реальной политикой.

Исследования Тинбергена внесли существенный вклад в буржуазную теорию экономической политики и оказали определенное влияние на практику государственно-монополистического регулирования. Тинберген впервые попытался обобщить политические аспекты различных теорий, относящихся к кейнсианскому направлению, и сформулировать основные принципы теории экономической политики как таковой. Он подверг кейнсианские категории универсализации, придал их чисто экономическому содержанию новый характер, обусловленный ролью этих категорий в теории экономического регулирования. Например, мультипликатор по Тинбергену, как показано ниже, имеет не только кейнсианский смысл, но и является категорией теории управления экономикой, обозначает связь между инструментом и целью экономической политики.

На почве основной модели Тинбергена выросло "дерево" прикладных экономических исследований, составивших основу реального прогнозирования и программирования капиталистической экономики.

Вместе с тем, хотя предложение Тинбергена и его последователей намного ближе к практике государственно-монополистического регулирования, нежели маржиналистские рекомен-

дации, они далеки от его научного объяснения. Неокейнсианские теории экономической политики базируются на методологических подходах, общих для буржуазной политической экономики, таких, как надклассовый подход к буржуазному государству, отказ от изучения объективных экономических законов капитализма, примат обращения над производством и т.д., что ограничивает ее практическую функцию. В социальном отношении концепция Тинбергена представляет собой важную часть экономической идеологии государственно-монополистического капитализма.

Важнейшее место в любой теории политики занимает концепция целевой функции. В основной модели Тинбергена ее определяют предпосылки № 1, 2, 4, 11 и 13.

Целевая функция

В концепции целевой функции представляют интерес ее экономическое содержание, методы ее формирования и определения оптимальных уровней целей, структурные проблемы целевой функции.

В "классической" модели Тинберген определяет следующие конечные целевые переменные (75, с.8-9):

- 1) объем государственных расходов;
- 2) темп изменения реальной заработной платы;
- 3) уровень занятости;
- 4) совокупный спрос;
- 5) распределение доходов;
- 6) объем инвестиций;
- 7) стабильность производства;
- 8) равновесие платежного баланса.

Рассмотрим несколько современных модификаций целевой функции.

Н.Баррет (Американский университет) в "Теории макроэкономической политики" (4, с.8):

- 1) полная занятость;
- 2) стабильность цен или контролируемая инфляция;
- 3) отсутствие неуправляемых дефицитов платежного баланса;

4) экономический рост.

М.Пистон (Лондонский университет) в "Теории макроэкономической политики" (50, с.33):

1) высокий, стабильно растущий уровень реальных доходов;

2) стабильные или медленно растущие цены;

3) равновесие платежного баланса;

4) полная занятость;

5) справедливое распределение доходов.

Дж.Мэйкин (Висконсинский университет) в "Макроэкономической теории" (43, с.7, 311):

1) устойчивый уровень безработицы, максимально близкий к четырехпроцентному уровню "полной занятости";

2) стабильность цен;

3) устойчивый рост ВВП;

4) равновесие платежного баланса;

5) полная загрузка производственных мощностей.

В.Зикел и П.Экстайн (68, с.307):

1) низкий уровень безработицы;

2) низкий темп инфляции;

3) высокий темп экономического роста.

Сравнение этих наборов с функцией Тинбергена позволяет сделать некоторые выводы.

1. Эволюция целевой функции у неокейнсианцев отражает наиболее существенные современные особенности капиталистического воспроизводства. В частности, превращение инфляции в мировой процесс и циклическая неэластичность цен послужили причиной политических решений в области контроля над инфляцией. Соответственно, в целевой функции появилась новая, по сравнению с моделью Я.Тинбергена, переменная — стабильность цен, входящая во все наборы без исключения.

2. Все современные целевые функции содержат меньше переменных, чем предлагал Тинберген, что объясняется главным образом неудачным опытом осуществления ряда правительственных программ и внутренней противоречивостью целей. Следствием неудач явились ограничение количества целей кругом ключевых проблем, перевод части целей в разряд инструментов. Существенное значение имеет и стремление

выдержать жесткие условия "теоремы Тинбергена", желание обеспечить целевую функцию нужным количеством инструментов, полностью контролируемых государством.

3. Набор переменных в работах экономистов 70-х годов свидетельствует о том, что место, занимаемое в шкале национальных приоритетов такой целью, как поддержание необходимого уровня государственных расходов, существенно изменилось. Если примерно 20 лет назад Тинберген поставил ее на первое место, то теперь государственным расходам не нашлось места ни в одной целевой функции. Из цели они превратились в инструмент, т.е. в цель более низкого ранга.

Эта эволюция закономерна. Повсеместно распространилась практика дефицитного бюджетного финансирования, использование государственного долга, а иногда и денежной эмиссии в целях экономической стабилизации и роста. Отход ряда правительств от политики, основанной на консервативной бюджетной идеологии, получил теоретическое оправдание в концепции "функционального финансирования", в которой равновесие бюджета придает второстепенный смысл.

"Усредненная" неокейнсианская система политических целей включает в себя "полную занятость", умеренную инфляцию, отсутствие неуправляемых дефицитов платежного баланса и относительно высокий темп экономического роста.

В ней выделяются первые два элемента, характеризующие экономическую стабилизацию.

В контексте экономики США достижение "полной занятости" обычно трактуется неокейнсианцами как максимальное приближение доли полностью безработных в численности самодеятельного населения к показателю 4%. Такой уровень безработицы считается идеальным и соответствует "полной занятости".

Американский экономист М.Лавелл в монографии "Макроэкономика: проблемы измерения, теория и политика" называет четырехпроцентную безработицу "переходной" и объясняет ее сезонными колебаниями производства, противоречиями между скоростью обновления структуры профессий и инерционностью рынка труда, приспособлением рынка труда к техническому прогрессу и т.п. (41, с.23).

В основной модели формирование целевой функции и определение оптимальных оценок ее составных частей понимаются как процесс, обусловленный суждениями государственных чиновников, и, по словам Тинбергена, "в некоторой степени объединением, а следовательно, взвешиванием также и индивидуальных интересов" (75, с.2-3). Такая позиция ничем не отличается от известных маржиналистских концепций и составляет предпосылку № 1 основной модели.

Причиной ее существования, фактического отказа Тинбергена от изучения механизма построения целевой функции является признание реальности границы между предметом микроэкономики и предметом макроэкономики. Тинберген, как и другие представители послевоенного поколения кейнсианцев, считал, что изучение таких проблем, как определение целей государственной политики и их оптимальных значений, относится к предмету неоклассической теории и неокейнсианцы должны полностью полагаться на ее результаты.

В большинстве современных вариантов подхода Тинбергена эта тенденция сохраняется. Несмотря на то, что, как было показано выше, маржиналистские концепции общественного выбора ("демократия", паретянская и патерналистская) характеризуются серьезными дефектами и, главное, далеки от реальности.

Неокейнсианцы заплатили дорогую цену за свой догматизм, выразившийся, в частности, в разграничении предмета. Перенимая без изменений маржиналистские суждения об общественном выборе целей, которые относятся к малосодержательной функции социального благосостояния, они внесли в свою методологию элементы маржинализма, например модель рациональных действий человека в рыночной системе, постулат о зависимости общественных целей от индивидуальных функций полезности или предпочтения, патерналистскую схему принятия политических решений и т.п. В итоге концепция Тинбергена стала весьма противоречивой. В частности, неясен смысл математических операций с целями, мультипликаторами и инструментами, если их величины зависят либо от результатов фантастических маржиналистских референдумов, либо от субъективных оценок государственных чиновников.

В последние годы, однако, быстро развивается новая, прагматическая концепция, составляющая альтернативу ведущему этическому варианту патернализма, т.е. подходу Бергсона-Самуэльсона. Ее основная особенность – отход от фундаментального принципа классической политической экономии, в той или иной форме используемого всеми направлениями маржинализма и заключающегося в том, что высшую цель экономической политики буржуазного государства составляет рост общественного благосостояния. Вместо маржиналистских методов определения целевой функции предлагается зависимость целевых переменных от краткосрочных политических интересов правительства, стремящегося либо “выжить” во время перевыборов, либо сохранить власть своей партии.

Эту концепцию можно расценивать как один из ответов неокейнсианцев на предпосылку № 1, как попытку перейти границу, вторгнуться в пределы микроэкономики, противопоставить собственные суждения маржиналистским представлениям.

Если рассматривать ее с точки зрения практических расчетов, то в методологическом отношении ей свойственно соединение традиционного корреляционного анализа с аппаратом социологии. Главным элементом реальных оценок являются функция популярности и функция реакции. В первой из них устанавливается корреляционная зависимость между изменениями стандартных макроэкономических целей и динамикой показателей популярности правительства, заимствованных из социологических исследований. Затем исторически оценивается оптимальный уровень популярности, обеспечивающий сохранение политической власти в руках данной политической партии, т.е. “выживание”. Этому уровню соответствуют “оптимальные” для данной политической партии значения макроэкономических целей. Функция реакции связывает цели с инструментами через посредство мультипликаторов, величины которых полагаются известными. По этой функции можно, следовательно, рассчитать “оптимальные” значения политических инструментов.

Одним из вариантов практического использования этого подхода являются расчеты швейцарских экономистов Б.Фрея и Ф.Шнайдера на материалах США (1953-1975), изложенные в работе "Эмпирический анализ политико-экономического взаимодействия в США" (21). Модель включает три макроэкономические переменные (темпы инфляции, уровень безработицы, темпы роста потребления) и показатели популярности администрации, взятые из оценок Института Гэллага. Оптимальный уровень популярности - 58%, что является средней величиной для всех ситуаций периода, когда обеспечивались "перевыборы" либо демократической, либо республиканской партии.

Б.Фрей и Ф.Шнайдер обнаружили очень сильную корреляцию между динамикой макроэкономических переменных и степенью популярности, особенно для уровня занятости. В то же время все администрации практиковали политику расширения государственных расходов в периоды падения популярности, рассчитывая повлиять на занятость. Особенно массивный характер этих действий наблюдался накануне выборов (21, с.177-178).

Данный подход является весьма реалистическим, так как стремление правительств капиталистических стран обеспечить себе "выживание" действительно оказывает сильное влияние на их экономическую политику. Однако этот фактор не может служить главным и тем более единственным объяснением целей экономической политики, которые обусловлены прежде всего классовой природой буржуазного государства, динамикой капиталистического воспроизводства и другими объективными причинами.

Кроме того, эта концепция в настоящее время еще не вышла за пределы статистических расчетов, не имеет теоретической базы, что не позволяет ей бросить серьезный вызов распространенным маржиналистским версиям построения целевой функции.

Сейчас она получила название "удовлетворительной" теории экономической политики, что подразумевает зависимость видов и "оптимальных" уровней целевых переменных от теку-

щих внешнеполитических и внутривполитических целей правительства.

Развернутая трактовка такого подхода к оптимизации экономической политики дана, например, в работе английского экономиста П. Мосли "К вопросу об "удовлетворительной" теории экономической политики" (46, с.65).

Один из вариантов математической интерпретации "удовлетворительного" подхода изложен С. Турновски (Австралийский национальный университет) в статье "Оптимальная политика стабилизации для детерминированных и стохастических линейных экономических систем" (77, с.215-216). Он считает, что в любой момент времени T государство должно проводить политику, минимизирующую функцию вида:

$$W_T = \frac{1}{2} [f_1 (Y_T - \bar{Y})^2 + f_2 (G_T - \bar{G})^2] + \frac{1}{2} \int_0^T [M_1 (Y - \bar{Y})^2 + M_2 (G - \bar{G})^2 + N(\dot{G})^2] dt, \quad (2.9),$$

- где Y_T, G_T - текущие уровни соответственного национального дохода и государственных расходов в момент T ;
 \bar{Y}, \bar{G} - "удовлетворительные" уровни соответственно национального дохода и государственных расходов;
 $f_1 (Y_T - \bar{Y})^2; f_2 (G_T - \bar{G})^2$ - размеры экономических потерь ввиду отклонения от "удовлетворительных" уровней в момент T ;
 $M_1 (Y - \bar{Y})^2; M_2 (G - \bar{G})^2$ - размеры экономических потерь ввиду отклонения от "удовлетворительных" уровней в предыдущие периоды времени;
 $n(\dot{G})^2 = n \frac{dG}{dt}$ - размеры издержек по осуществлению фискальной политики;
 $f_1; f_2; m_1, m_2; n$ - const.

Концепция целевой функции Тинбергена содержит ряд предпосылок, касающихся структурных характеристик системы целей. В их число входит предпосылка № 2 о фиксированных оптимальных значениях целей, предпосылка № 4.2 о внутренней непротиворечивости целевой функции, предпосылка № 11 об отсутствии противоречий между макроэкономическими и другими целями политики, предпосылка № 13 о векторном характере целевой функции.

Предпосылка № 2 была впервые изучена Г.Тэйлом в "Правилах оптимальных решений для правительства и частного сектора" (72), который ввел в модель понятие "гибких целевых переменных" и представил их в виде функций.

Предпосылка № 13 составила основу исследований иерархической структуры целевой функции.

В них нет макроэкономических целей как таковых; они делятся на конечные цели (objectives) и промежуточные цели (targets), причем предполагается ориентация государственной политики на достижение именно промежуточных целей. Главные их характеристики: достаточная степень измеримости, быстрая и однозначная реакция на изменение инструментов.

Примером применения этого подхода к денежной политике может служить модель, построенная канадским экономистом Д.Фишером в книге "Денежная политика" (19). В ней промежуточная целевая функция включает уже не уровень цен или экономический рост, а стабильность во времени нормы процента и стабильные условия на рынке государственных ценных бумаг (19, с.31-32).

Особый смысл имеет предпосылка № 11. Ее преодоление означало бы шаг в сторону комплексного, системного подхода к экономическому обеспечению всех видов государственной деятельности.

В настоящее время сложилось два варианта интерпретации предпосылки № 11.

В первом из них содержится ортодоксальная трактовка предпосылки, т.е. по-прежнему предполагается взаимная непротиворечивость решений, относящихся к различным сферам политики, что вряд ли соответствует действительности.

Такую позицию поддерживает, например, профессор Венского университета А.Нюссбаумер в работе "Вклад науки и технологии в экономический рост", когда отмечает, что "циклические изменения государственных затрат на исследования и разработки могут рассматриваться... как подходящее средство антициклической политики, не оказывающее сильного отрицательного воздействия на сами исследования и разработки", если возможный "недобор" ресурсов компенсируется частным сектором (64, с.188).

В другой вариант можно включить предложения о создании обобщенной целевой функции, в которой наряду со стандартными макроэкономическими переменными были бы представлены такие цели, как национальная независимость, справедливое распределение ресурсов и т.д.

По мнению директора Института социального развития ООН Д.Макгрэйнихена, изложенному в статье "Показатели и модели развития", наилучшим вариантом системы целей была бы модель экономико-политических изменений, в которой рассматривается "эволюционирующая система факторов, прямо и косвенно влияющих друг на друга" (42, с.98).

Хотя сам подход следует признать рациональным и необходимым, особенно в настоящее время, обычно применяемые рекомендации малоудовлетворительны. Как правило, неэкономические цели включаются в функцию Тинбергена, а не в матрицу целей, в которой обеспечивалось бы их соподчинение. Поэтому из-за нарушения однородности целевой функции появляются трудноразрешимые проблемы измеримости социально-политических целей, их совместимости и т.д.

Склонность к "разбавлению" стандартной целевой функции проявляют и теоретики империалистической интеграции. Например, Дж.Дентон в статье "Денежный и экономический союз в Европе" предлагает добавить к национальным макроэкономическим и социально-политическим целям внешнеполитические цели, обусловленные "регионализацией" западноевропейских стран (15, с.17).

Важное значение имеет сравнительно новый вариант концепции целевой функции, который можно назвать "интегральным" подходом. Суть его заключается в объединении в целе-

вой функции элементов неокейнсианства и маржинализма. Например, в целевой функции Р. Масгрэйва присутствует "полная занятость", стабильность цен и т.п., а также такая цель, как предоставление "общественных товаров", заимствованная из функции социального благосостояния по Самуэльсону.

Этот подход представляется неперспективным прежде всего из-за несовместимости систем категорий микроэкономики и макроэкономики. Возьмем, например, налоговую политику.

Для маржиналистов налог — это предельная жертва налогоплательщика, рассчитывающего увеличить индивидуальное благосостояние за счет "общественных товаров". В оптимальном варианте, согласно Линдалю, величина налога должна быть пропорциональна индивидуальной предельной норме замены между оценкой полезности "общественного товара" и оценкой полезности денег.

Для неокейнсианцев налог — это политический инструмент, который воздействует на цель с эффективностью, равной величине мультипликатора. Оптимальная политика должна трансформировать текущее состояние цели в оптимальное.

Поэтому создание внутренне непротиворечивой системы целей на базе синтеза целевых переменных неокейнсианцев и элементов функции социального благосостояния столь же маловероятно, сколь и совпадение во времени роста предельной нормы замены по какому-то "общественному товару" и отклонения макроэкономической цели от оптимального уровня.

Масгрэйв решает проблему противоречивости систем категорий путем разработки грандиозного проекта "множественного бюджета" (47, с.24-29), отдельные части которого будут обслуживать тот или иной подход. В частности, функцией "налого-расходного бюджета" должно быть удовлетворение общественных потребностей в соответствии с критериями маржинализма. "Налого-трансферный бюджет" обеспечит справедливое распределение доходов, а "налого-стабилизирующий бюджет" — реализацию неокейнсианской целевой функции.

Очевидно, что осуществление предложения Масгрэйва потребует выполнения ряда нормативных условий и фантастических усилий по реформе налоговых систем. Ведь для его реализации нужно заменить обычный подоходный налог целой

системой налогов. Рядовой налогоплательщик должен, во-первых, заплатить столько налогов, сколько он получит от государства "общественных товаров"; во-вторых, уплатить налог в рамках проводимой политики перераспределения доходов; в-третьих, выплатить еще один налог, величина которого постоянно меняется в зависимости от целей экономической политики и который вместе с другими налогами выполняет функцию политического инструмента.

Подобное мифотворчество, предпринятое Масгрэйвом, — закономерный результат попытки построить целевую функцию путем эклектического соединения категорий маржинализма и кейнсианства.

Предпосылка № 4.2 составила основу потока исследований внутренней противоречивости целевой функции.

Для Тинбергена эта проблема возникала только в случае нарушения условий "теоремы Тинбергена". Он отмечал, что в ситуации, когда число инструментов меньше количества целей, "мы стоим перед неразрешимой задачей", ибо появляется несовместимость целей (75, с.39,40).

Эмпирические исследования динамики целевых переменных в послевоенные годы показали, что противоречивость возникает и при выполнении "теоремы Тинбергена", являясь следствием взаимозависимости целей.

Так как стандартная целевая функция включает в себя четыре элемента, возможно двенадцать сочетаний целей. По оценке Дж.Мэйкина, в настоящее время некейнсианцы считают доказанной: а) противоречивость динамики занятости и цен; б) совместимость "полной занятости" и экономического роста; в) совместимость стабильности цен и равновесия платежного баланса (43, с.457). "Белыми пятнами" остаются остальные девять комбинаций.

Наиболее интенсивно изучается противоречивость изменений уровня безработицы и темпа инфляции. Эти исследования объединены в концепции кривых Филлипса.

Кривые Филлипса

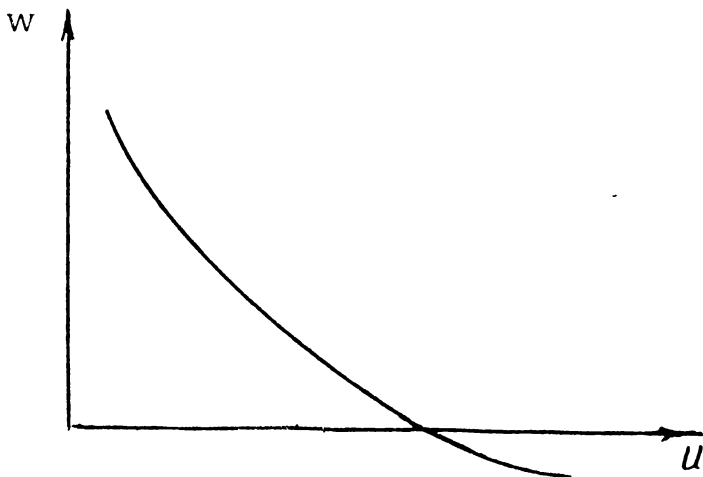
Хотя данная концепция получила свое название после появления в 1958 г. работ английского экономиста А.У.Фил-

липса, впервые эмпирическая проверка противоречивости динамики цен и занятости была проведена одним из основоположников количественной теории денег Ирвингом Фишером. Если в центре концепции Филлипса находится проблема занятости, то анализ Фишера базируется на предложении денег. Идеи Филлипса были развиты впоследствии неокейнсианцами; на суждениях Фишера, как указывает лидер чикагской школы М.Фридмен в "Теории цен", основываются оценки их оппонентов – представителей монетаризма (22, с.226–227).

Филлипс использовал среднегодовые статистические показатели темпов роста номинальной заработной платы и уровня безработицы в интервале от 1865 до 1913 г. Весь период был разбит на шесть циклов, в результате чего получилось шесть пар значений обеих переменных, представляющих собой расчетные среднециклические показатели. Филлипс соединил шесть точек весьма произвольной кривой, обнаружив тем самым так называемую "траекторию долгосрочных точек равновесия между U и W " (U – уровень безработицы, W – темп роста заработной платы).

На рис.2.4 показана стандартная кривая Филлипса (W – темп роста номинальной заработной платы, U – уровень безработицы).

Рис.2,4



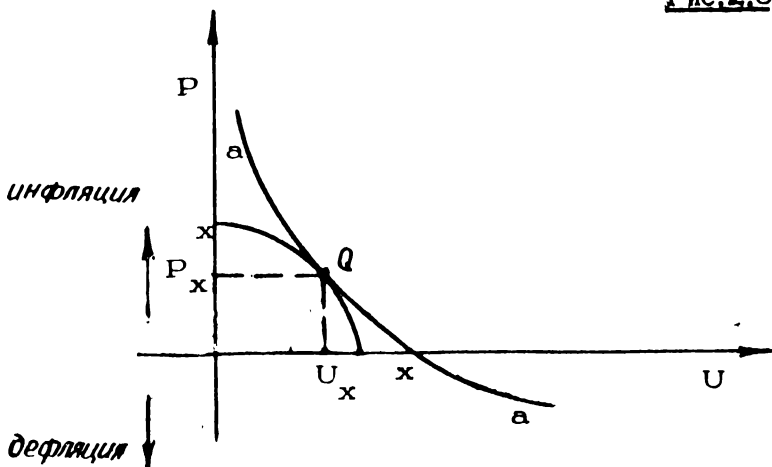
Можно отметить, что, во-первых, стандартную кривую Филлипса нельзя использовать для оптимизации политических решений, ибо одна переменная (W) не входит в целевую функцию; во-вторых, эта кривая эмпирически достоверна только на выбранном интервале, хотя Филлипсом и дана ее математическая и теоретическая интерпретация; в-третьих, стандартная кривая имеет долгосрочный характер, базируется на среднециклических, а не на текущих показателях; в-четвертых, форма кривой зависит от подхода Филлипса к проблеме цикличности.

"Классическая" кривая Филлипса не получила распространения в буржуазной политической экономии, в настоящее время она почти не используется. Поэтому современное "семейство" кривых Филлипса следует считать модифицированными кривыми.

Наибольшей популярностью пользуются кривые с целевыми переменными, чья противоречивость считается доказанной теоретически и эмпирически, — это темп изменения цен и уровень безработицы.

Одна из первых модификаций кривой Филлипса была сделана П. Самуэльсоном и Р. Солоу в 1960 г. В настоящее время, когда упоминают кривую Филлипса, то говорят фактически о кривой Самуэльсона-Солоу (рис. 2.5).

Рис. 2.5



На рис.2.5 P – темп изменения цен, U – уровень безработицы, aa – кривая Филлипса, XX – кривая государственного предпочтения, P^x и U^x – оптимальные (для структуры предпочтений X) значения целей. Задача государства состоит в том, чтобы, основываясь на своих предпочтениях и кривой aa , “загнать” экономику в точку Q . Для этого необходимо использовать политические инструменты, в основном фискальные и денежные.

Качественная трактовка кривой Самуэльсона–Солоу состоит из традиционных кейнсианских суждений. При росте занятости увеличение предложения и спроса происходит неравномерно. Спрос расширяется в большей степени потому, что при уменьшении безработицы ослабляется конкуренция на рынке труда и заработная плата растет быстрее производительности из-за усиления мощи профсоюзов. Рост цен подстегивается и реакцией предпринимателей на увеличение издержек.

После того как Самуэльсон и Солоу дали кейнсианское теоретическое обоснование кривой Филлипса, эволюция этой концепции происходит в двух направлениях. Первое из них, некейнсианское, ориентируется, во-первых, на поиск различных математических аналогов кривой; во-вторых, на ее эмпирическую проверку во всех аспектах: для разных стран, для разных периодов времени, в краткосрочном и долгосрочном планах и т.д. Второе направление, возглавляемое чикагской школой, подвергает сомнению всю некейнсианскую версию кривой Филлипса – ее эмпирическую достоверность, ее теоретическое обоснование, ее математическую интерпретацию.

В рамках первого варианта современной некейнсианской концепции кривых Филлипса наблюдается тенденция разрабатывать универсальные эконометрические модели, объединяющие как собственно некейнсианские, так и монетаристские соотношения. На их основе при различных значениях параметров могут получаться результаты, удовлетворяющие обе школы. При этом игнорируется проблема эмпирической достоверности кривых.

Одним из последних примеров такого подхода является модель, построенная австралийским экономистом А.Хаггером в работе “Инфляция: теория и политика” (29, с.138–142).

Система уравнений для краткосрочных соотношений инфляции и занятости:

$$P_t = \beta_1 (W_t - Q_t) + \beta_2 S_t, \quad (2.10)$$

$$W_t = \alpha_0 + \alpha_1 U^{-1} + \alpha_2 P_t^e + X_t, \quad (2.11)$$

$$P_t^e - P_{t-1}^e = \delta (P_{t-1} - P_{t-1}^e), \quad (2.12)$$

где P_t - индекс цен в году (месяце) t ;

W_t - индекс номинальной заработной платы на душу населения;

Q_t - индекс производства на душу населения;

S_t - индекс цен на сырье;

U - уровень безработицы;

P_t^e - ожидаемый темп инфляции;

X_t - фактор, отражающий влияние прочих независимых переменных;

$\alpha_0; \alpha_1; \alpha_2; \beta_1; \beta_2; \delta$ - постоянные.

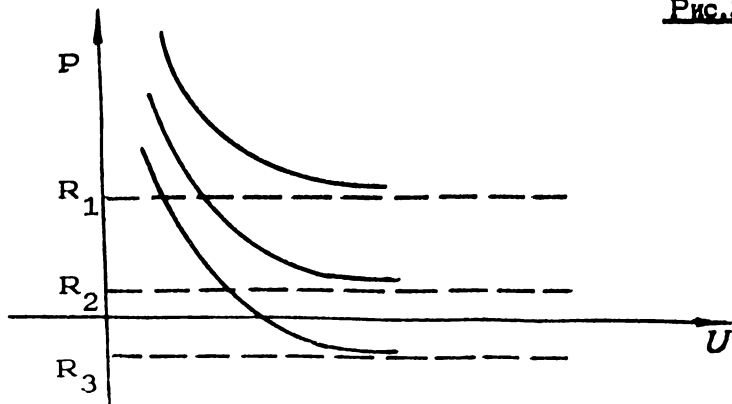
Из (2.10) и (2.11) получим:

$$P_t = \beta_1 \alpha_1 U^{-1} + R, \quad (2.13),$$

$$\text{где } R = \beta_1 \alpha_2 P_t^e + \beta_1 \alpha_0 + \beta_1 X_t + \beta_2 S_t - \beta_1 Q_t \quad (2.14).$$

Уравнения (2.13) и (2.14) показывают, что кривая Филлипса, рассматриваемая в краткосрочном плане, имеет асимптоту, которая может смещаться в зависимости от значений параметров уравнений, т.е. величины R (рис.2.6).

Рис.2.6



Система уравнений для долгосрочной кривой Филлипса:

$$P_t = P_{t-1} = \dots = P, \quad (2.15)$$

$$P = \beta_1 (W - Q) + \beta_2 S, \quad (2.16)$$

$$W = d_0 + d_1 U^{-1} + d_2 P^e + X, \quad (2.17)$$

$$P = P^e \quad (2.18)$$

Из уравнений (2.15) - (2.18) имеем:

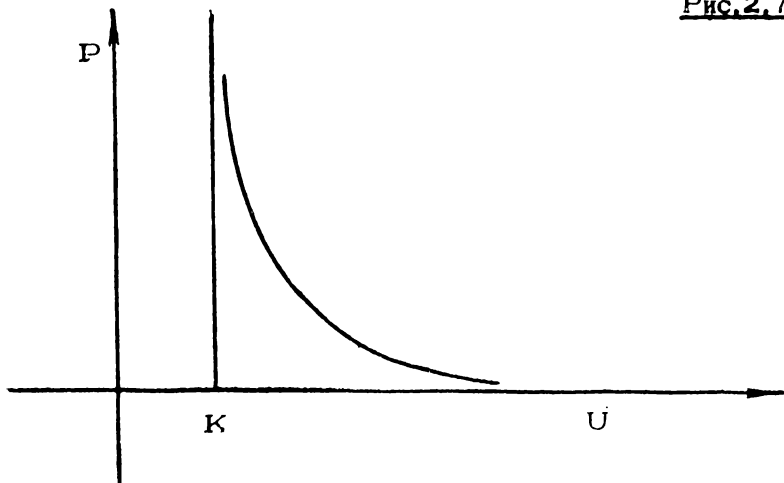
$$P(1 - \beta_1 d_2) = \beta_1 d_0 + \beta_1 d_1 U^{-1} + \beta_1 X + \beta_2 S - \beta_1 Q \quad (2.19)$$

Из уравнения (2.19) легко получить некейнсианский вариант долгосрочной кривой Филлипса и, как будет показано ниже, вариант, удовлетворяющий чикагскую школу.

Современные кейнсианцы подвергли кривую Филлипса интенсивной эмпирической проверке.

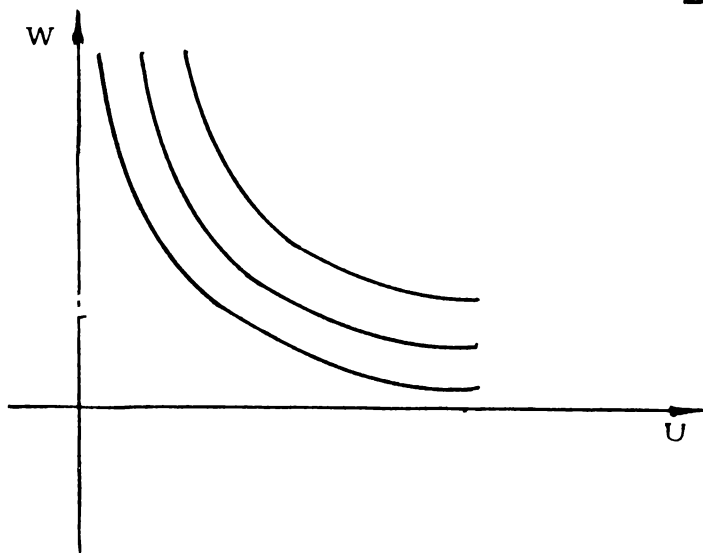
Профессор Йэльского университета Дж.Тобин, проанализировав соотношения между P и U в условиях высоких уровней занятости, не обнаружил точек левее асимптоты $U = K$, где K - минимальный уровень безработицы, соответствующий эмпирическим данным (рис.2.7).

Рис.2.7

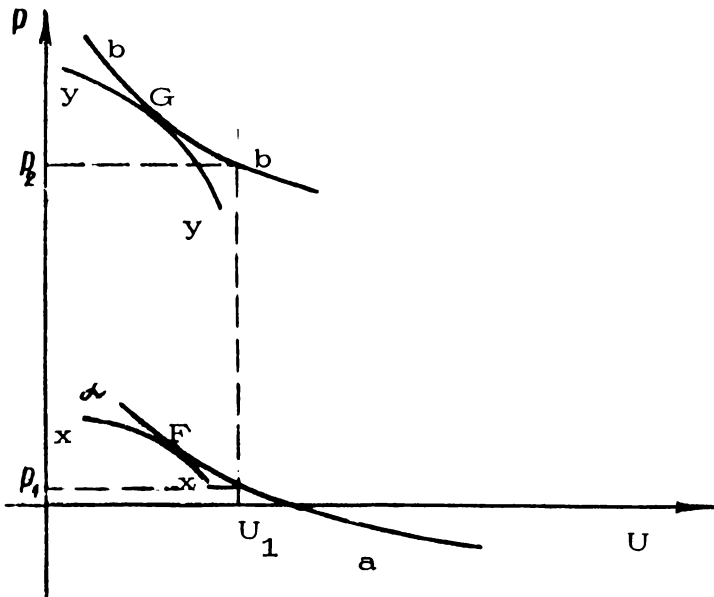


Ф. Модильяни (Массачусетский технологический институт) и Э.Тарантелли (Римский университет) в работе "Применение кривых Филлипса к экономике развивающейся страны" получили на базе стандартной краткосрочной кривой Филлипса семейство кривых (45, с.215–216). Соотношения между темпом роста номинальной заработной платы и уровнем безработицы оказались зависимыми от доли квалифицированной рабочей силы в общем количестве безработных (рис.2.8).

Рис.2.8



Большинство буржуазных экономистов пришли к выводу, что для экономики США в 70-е годы значения P и U не укладываются в кривую Филлипса, рассчитанную для предыдущего периода. Сохраняется лишь форма кривой, а все точки располагаются "правее и выше" (рис. 2.9).



На рис. 2.9 *aa* – стандартная кривая Самуэльсона–Солоу, *bb* – кривая Самуэльсона–Солоу для 70-х годов, *xx* и *yy* – кривые государственного предпочтения.

Объяснить подобное смещение можно прежде всего ухудшением экономического положения США: показатели инфляции и безработицы увеличились.

Ряд буржуазных экономистов выступают с либерально-кейнсианской трактовкой причин перемещения кривой и предлагают меры по борьбе с инфляцией и безработицей. Они усматривают причину неприятного сдвига кривой в отсутствии необходимой эластичности, в нарушении связей между факторами, входящими в неокейнсианскую концепцию, в "трениях" между ростом занятости и расширением спроса, между ростом заработной платы и повышением производительности труда и т.п. В частности, американский экономист М.Крейнин (Мичиганский университет) в статье "Что мы знаем и чего не знаем в отношении политики экономиче-

ской стабилизации" предлагает такой либеральный метод устранения "трений", как увеличение конкурентности экономики путем антитрестовских законов и ограничения власти крупных профсоюзов, который будет способствовать сдвигу кривой "влево" и "вниз" (39, с.47-48).

Другой рецепт желательного сдвига краткосрочной кривой предлагает А.Хаггер, который считает нужным использовать политику доходов и структурные изменения в экономике (29, с.230-231).

Сильный удар по эмпирической достоверности стандартной кривой Филлипса нанес профессор Лондонской школы экономики и политики М.Десан в статье "Ревизия кривой Филлипса". Он точно использовал абсолютно все методологические приемы Филлипса на базе американской статистики и ввел новый интервал - 1914-1947 и 1949-1971 гг. Для первого нового интервала были выбраны пять циклов, для второго - четыре цикла, после чего рассчитывались среднециклические показатели. Оказалось, что нет никакой универсальности: три кривые Филлипса имеют совершенно разную форму (рис. 2.10, 2.11, 2.12).

Рис. 2.10

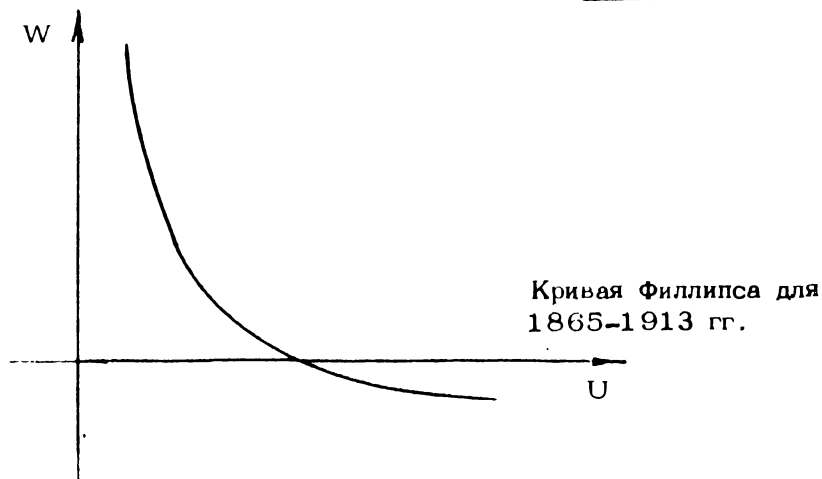


Рис. 2.11

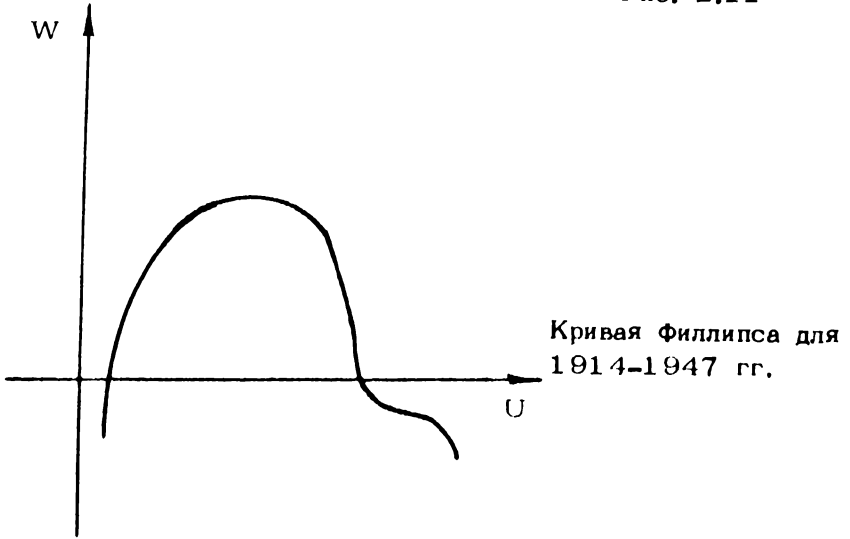
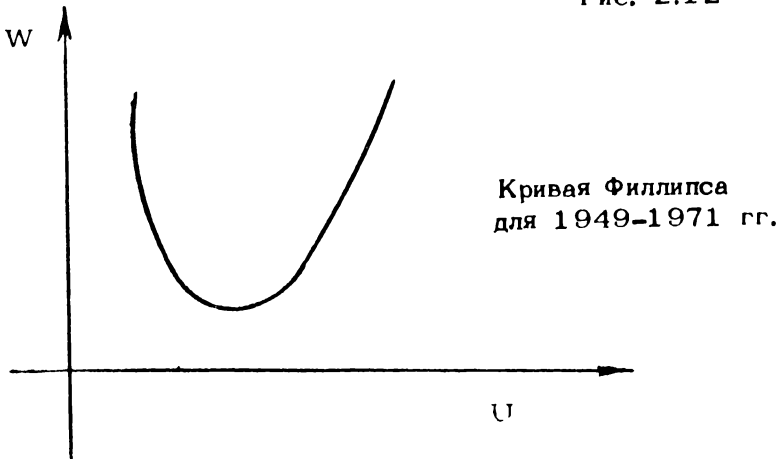


Рис. 2.12



М. Десаи сделал принципиально важный вывод, с которым нельзя не согласиться: форма кривой Филлипса меняется в зависимости от выбранного отрезка времени; следовательно, "многочисленные попытки вывести кривую одного вида, исходя из априорных теоретических соображений, являются бесплодными" (16, с.16). По существу, этот вывод равнозначен эмпирической дискредитации кривой Филлипса как устойчивой закономерности.

В настоящее время большинство буржуазных экономистов пришли к заключению, что форма кривой Филлипса не имеет универсального характера, не постоянна во времени. Это означает, что Филлипсу (точнее, Самуэльсону и Солоу) не удалось обнаружить экономическую закономерность, связывающую показатели инфляции и безработицы.

В то же время некоторые ортодоксальные кейнсианцы продолжают настаивать на универсальности кривой Филлипса. Например, расчеты Р.Бриннера (Гарвардский университет); использовавшего в работе "Пересмотр фиаско кривой Филлипса" статистику цен и занятости в послевоенной американской экономике (8, с.392), и других некейнсианцев показывают, что краткосрочная кривая Филлипса, смещаясь в разных направлениях в плоскости (P,U) , продолжает сохранять свою форму.

Подведем итог.

1. Кривая Филлипса представляет собой двухцелевой вариант многоцелевого подхода к оптимизации экономической политики Тинбергена-Тэйла-Манделла, реакцией некейнсианцев на допущение № 4.2 основной модели Тинбергена, постулирующее внутреннюю непротиворечивость целевой функции.

2. Стандартная кривая Филлипса, показывающая соотношение между темпом роста номинальной заработной платы и динамикой уровня занятости, не имеет фактического подтверждения в годы, следующие за периодом, выбранным Филлипсом. Это ставит под сомнение предложенную им теоретическую и математическую интерпретацию.

3. Некейнсианцами представлены статистические доказательства универсальности формы краткосрочной кривой Саму-

эльсона-Солоу, т.е. кривой, построенной на базе ежемесячных или среднеквартальных данных. Однако, сохраняя свою форму, кривая в разных условиях занимает разное положение на плоскости (P, U) . Это означает, что либо между темпом инфляции и уровнем безработицы нет устойчивой функциональной зависимости, либо она есть, но не соответствует кривой Филлипса. Так как положение кривой Филлипса зависит от выбранного периода времени и различно для каждой страны, очевиден неоднозначный характер соответствия между темпом инфляции и уровнем безработицы.

На рис.2.9 показано, что, например, данному уровню безработицы могут соответствовать значения P_1 и P_2 , которые эмпирически равноправны.

4. Поиск универсальной математической интерпретации кривой Филлипса не продвигает вперед решение задачи оптимизации экономической политики, потому что наборы значений P и U , полученные математически, определяются структурой и параметрами модели и могут никогда не встретиться в действительности. Характерно, что сторонники этого подхода не ставят перед собой задачи эмпирической проверки результатов.

5. На основании предыдущих выводов можно заключить, что концепция кривых Филлипса вряд ли пригодна для определения оптимальных политических решений.

6. Неокейнсианцы в лучшем случае ограничиваются краткосрочным диапазоном. Они не дают ответа на вопрос о долгосрочном соотношении между инфляцией и безработицей; в частности, форма кривой Филлипса не соответствует такому процессу, как стагфляция.

Например, английский экономист М.Кеннеди (Манчестерский университет) в статье "Недавняя инфляция и монетаризм" (37), применив среднециклическую долгосрочную методику Филлипса к переменным Самуэльсона-Солоу на материале экономики Англии 60-х и 70-х годов, получил пары значений, характеризующих стагфляцию и не вписывающихся в традиционную форму кривой Филлипса. Средний за 1964-1969 гг. темп инфляции составлял 4,1% в год, уровень безработицы - 1,9%. В 1970-1974 гг. средний темп

инфляции увеличился до 9,6% в год, причем уровень безработицы не сократился, а возрос до 3,1%.

Эта слабость неокейнсианской концепции представляет собой мишень, по которой наносят удары экономисты чикагской школы.

Концепция кривых Филлипса используется буржуазными экономистами для объяснения и апологетики политики краткосрочной стабилизации, проводимой капиталистическими государствами. Кейнсианцы представляют дело так, будто бы трудящиеся должны неминуемо платить инфляционную "цену" за всякое снижение безработицы. Они, следовательно, перекладывают ответственность за инфляцию с ее истинных инициаторов — монополий — на профсоюзы, добивающиеся повышения занятости.

В основной модели Тинбергена есть предпосылки № 6 и 7, определяющие вместе с предпосылкой № 2 динамические аспекты оптимизации экономической политики. На их основе развивается теория лагов, в которой анализируется роль фактора времени.

Фактор времени

В настоящее время неокейнсианство предлагает два основных подхода к оценке фактора времени. Первый из них можно назвать "автономным" подходом. Второй связан с расчетом динамических и кумулятивных мультипликаторов.

"Автономный" подход основан на выполнении ряда предварительных условий: а) элементы целевой функции не зависят друг от друга, а также от любых факторов, не относящихся к инструментам; б) инструменты политики не зависят друг от друга; в) существует "разделение труда" между инструментами: на одну цель воздействует один инструмент; г) исключено противоречивое воздействие одного инструмента на одну цель; д) величина мультипликатора фиксирована в течение рассматриваемого периода времени; е) воздействие инструмента имеет единичный, импульсный характер.

Если предпосылки не нарушаются, процедура динамической оптимизации политических решений заключается в определении точки отсчета, вычислении значения инструмента в

этот момент времени — X_0 , оценке фиксированной величины мультипликатора M_{O}^{XU} или M_K^{XU} (U — целевая переменная, P — последняя точка диапазона времени, в котором воздействие инструмента на цель признано существенным, $K = 1 \dots P$), изучении динамического ряда значений цели — Y_1, \dots, Y_P , выборе среди них оптимального значения и определении тем самым времени срабатывания мультипликатора.

В соответствии с "автономным" подходом длина лага определяется не любым изменением целевой переменной, а лишь достижением ее оптимального уровня. Можно также отметить, что этот подход обеспечивает в принципе статическую методику расчета лагов с последующей экстраполяцией результатов.

Неокейнсианцами предложены различные математические интерпретации "автономного" подхода. Например, в трактовке экономистов Чикагского университета С.Фишера и Дж.Купера в работе "Политика стабилизации и лаги" оптимум экономической политики предполагает минимизацию отклонения любой целевой переменной от "желаемого" уровня, с учетом фактора времени (20, с.851–852).

$$Y_t = \beta Y_{t-1} + \sum_{i=0}^{\infty} \alpha_i x_{t-i} + U_t \quad (2.20)$$

где $Y_t; Y_{t-1}$ — отклонения целевой переменной Y от "желаемых" уровней соответственно в момент времени t и в момент времени $t - 1$;

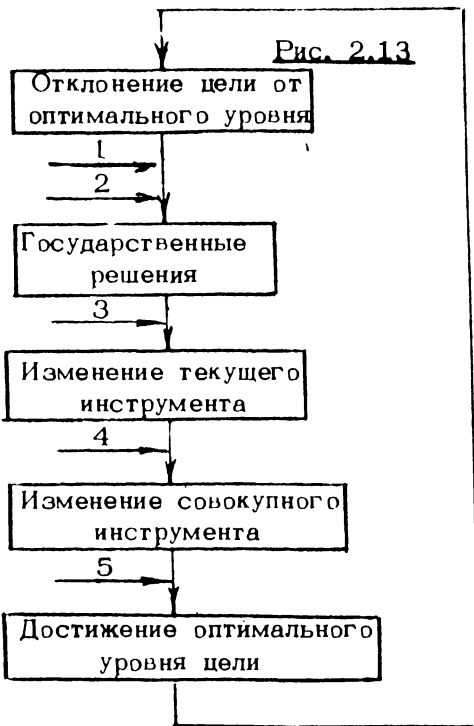
x_{t-i} — отклонение инструментальной переменной x от оптимального уровня в момент времени $t-i$;

α_i — лаговый коэффициент политики;

U_t — неконтролируемая (случайная) переменная, влияющая на цель в момент времени t ;

β — const.

Один из главных результатов теории лагов заключается в выводе о внутренней неоднородности лагов и, следовательно, в разработке лаговых структур. В целом, агрегированная лаговая структура для любого инструмента выглядит так (рис.2.13).



Лаг № 1, или "лаг признания", представляет собой промежуток времени от появления проблемы регулирования вследствие отклонения значения цели от оптимума до признания государственными органами существования этой проблемы. Лаг № 2, или "лаг решения", — затраты времени на принятие государственных решений. Лаг № 3 составляет временной интервал между решениями и конкретными изменениями текущего инструмента. В частности, если речь идет о государственных расходах, эти изменения могут выразиться, например, в росте (или сокращении) затрат местных органов власти. Лаг № 4, или "промежуточный лаг", — разрыв во времени между изменением текущего инструмента и изменением совокупного инструмента (в масштабах народного хозяйства). Наконец, лаг № 5, или "лаг воздействия", выражает промежуток времени от изменения макроэкономического инструмента до изменения макроэкономической цели.

Анализируя лаговые структуры, буржуазные экономисты приводят много определяющих факторов. Например, для США "лаг решения" при использовании денежной политики, меньше, чем при фискальной политике, потому что для изменения предложения денег не требуется согласия конгресса, а для изменения государственных расходов оно необходимо. Зато у фискальной политики меньше "лаг воздействия", так как на совокупный спрос она влияет прямо, а денежная политика — косвенно и т.д.

Если проанализировать факторы, которые, по оценкам неокейнсианцев, наиболее существенно влияют на размеры совокупных лагов, то обнаруживается значительное совпадение мнений в том, что самым продолжительным является "лаг воздействия". Например, американский экономист Дж.Тейлор, автор работы "Денежная политика в течение перехода к рациональным ожиданиям", придает большое значение лагу, воплощающему раздумья потребителя перед принятием экономического решения, когда он вспоминает прошлые посещения магазинов и изучает рекламную информацию (71, с.1009). Сотрудники Федеральной резервной системы (ФРС) Р.Брайант и П.Хендершотт считают важнейшим элементом лаговой структуры потери времени, связанные с колебаниями предпринимателей в условиях неопределенности и риска (34, с.214).

Неокейнсианцы, как правило, не дают более конкретных предложений относительно "лага воздействия". Это обусловлено существованием крупнейшей нерешенной проблемы, которая заключается в дизагрегировании целевой функции, изучении хозяйственного механизма и прежде всего мотивов индивидуального экономического поведения. До сих пор неокейнсианство сохраняет традицию отказа от анализа этих задач, оставляя их маргинализму.

Многочисленные расчеты лагов, проведенные в соответствии с первым подходом, дали большой разброс результатов. Особенно это касается мультипликаторов "государственные расходы — экономический рост" и "предложение денег — экономический рост". Эти различия оказались настолько значительными, что превратились в один из поводов кон-

фронтации между неокейнсианцами и представителями чикагской школы.

Некоторые результаты вообще трудно объяснимы. В частности, логично было бы ожидать, что отраслевые лаги должны быть меньше народнохозяйственных. Например, для изменения ВВП США, видимо, требуется больше времени, чем для изменения объема продаж в одной отрасли. Однако расчеты, проведенные М.Спайроу (Питтсбургский университет) в работе "Исследования экономической стабилизации", показывают, что в авиационной промышленности США промежуток времени от появления обязательства предоставить государственный заказ до изменения в объемах продаж авиационных фирм (сумма "лага решения", лага № 3 и "лага воздействия") составляет около 26 месяцев (70, с.175).

Этот солидный показатель почти в 2 раза больше лагов М.Фридмена для денежных мультипликаторов по экономическому росту. В то же время большинство буржуазных экономистов считают, что мультипликатор "Государственные расходы - рост" обладает меньшим лагом, чем денежный.

Исследования быстродействия тех или иных инструментов политики, в значительной степени инспирированные соперничеством между неокейнсианцами и сторонниками Фридмена, принесли настолько противоречивые результаты, что заставили некоторых буржуазных экономистов усомниться в принципиальной возможности вычисления лагов. На волне пессимизма появились прагматические концепции, в которых отрицается возможность создания теории динамической оптимизации экономической политики. Один из приверженцев этого подхода английский экономист Дж.Уолф (Эдинбургский университет) в книге "Современные экономические проблемы" отмечает, в частности, что "оптимальной будет такая политика, которая рассчитана на кратчайший срок и которую легче всего перестроить" (13, с.294).

Нестабильность результатов, получаемых на основе первого подхода, обусловлена различиями в методиках расчета лагов. Эти различия являются следствием того, что предпосылки "автономного" подхода допускают весьма про-

извольное толкование: в разных моделях они интерпретируются по-разному.

Наличие шести предпосылок составляет серьезный методологический дефект "автономного" подхода, серьезно затрудняет получение надежных оценок лагов. Например, нестабильность лагов при анализе влияния кредитной политики на привлечение краткосрочных капиталов из-за рубежа и соответствующего улучшения платежного баланса обуславливается не столько изменчивостью самого соотношения цели и инструмента, сколько тем, что на состояние платежного баланса влияют валютная политика (инструмент), изменение государственных расходов (инструмент), интенсивность инфляционного процесса (цель) и другие факторы.

Если устранить предпосылку "б" о взаимной независимости инструментов сравнительно несложно, то ликвидация остальных пяти означала бы применение нового подхода к анализу лагов.

Основная идея этого подхода заключается в ликвидации предпосылки "д" и признании динамических свойств мультипликаторов. Параметры мультипликаторов, рассчитанных по основной модели Тинбергена, полагаются зависимыми от времени, и в каждый данный момент эффективность воздействия инструмента на цель различна. Величина кумулятивного мультипликатора считается равной сумме динамических мультипликаторов.

Примером использования второго подхода может служить модель, построенная экономистами Суррейского университета в работе "Динамическое воздействие правительственных расходов и предложения денег на совокупный доход (на примере четырех стран ОЭСР, 1965-1974 гг.)" (2). В модели, базирующейся на фундаментальном кейнсианском уравнении распределения национального дохода, рассматриваются период времени с 1965 по 1974 г. и четыре страны - США, Англия, ФРГ и Канада. Мерой времени принят квартал. Динамические и кумулятивные характеристики оцениваются для мультипликаторов двух видов: "предложение денег - экономический рост" и "государственные расходы - экономический рост", причем оценке подвергаются лишь два параметра мультипликаторов. Такое решение

отличается известной непоследовательностью, которая ограничивает продуктивность модели.

Авторы работы П.Аррестис, С.Фрауэн и Э.Каракитсос получили интересные результаты. Оказалось, что в динамическом плане во всех странах, кроме США, государственные расходы имеют преимущество по сравнению с денежной политикой не только по эффективности, но и по быстродействию. Подтвердилась предпосылка № 8 основной модели Тинбергена: знаки обоих мультипликаторов меняются в зависимости от лага.

Это означает, что, например, бюджетный экспансионизм, направленный на достижение такой краткосрочной цели, как "полная занятость", может в долгосрочном плане отрицательно повлиять на нее, способствовать увеличению безработицы.

Таким образом, буржуазные государства нуждаются не только в политике краткосрочной стабилизации экономики, но и в "политике сверхстабилизации", предназначенной для компенсации долгосрочных отрицательных последствий политики краткосрочного регулирования.

Хотя второй подход к анализу фактора времени имеет бесспорные преимущества, оба подхода характеризуются серьезным недостатком. Он состоит в слишком высокой степени агрегирования инструментов. Например, отдельные виды государственных расходов обладают лагами, которые значительно отличаются друг от друга, и их усреднение в агрегированном инструменте является причиной разрыва между теорией лагов и практической политикой. Поэтому практически пригодны лишь структурные мультипликаторы, в которых роль инструмента выполняют не государственные расходы в целом, а их отдельные виды.

Оценки буржуазных экономистов показывают, что наибольшими лагами обладают государственные решения, косвенно влияющие на экономику. В этом случае все виды лагов резко увеличиваются.

Примером таких решений могут служить государственные обязательства, связанные с осуществлением исследований и разработок в правительственных учреждениях и последующей передачей результатов в распоряжение част-

ного сектора. По расчетам известного американского специалиста Ц.Грилайкса (Гарвардский университет), структурный мультипликатор "государственные расходы - рост" срабатывает в США через 5-8 лет (64). Этот результат в несколько раз превышает общераспространенные оценки усредненных лагов для государственных расходов в целом. Выход из положения заключается, видимо, в анализе структурных кумулятивных мультипликаторов, основанных на дифференциации инструментов.

Разнообразные некейнсианские концепции, опирающиеся на основную модель Тинбергена, характеризуются значительно большей практической эффективностью, нежели маржиналистские представления об экономической политике. Преодоление разрыва внутри неоклассического направления могло быть связано только с отказом от маржинализма и его неизбежного спутника - нормативного подхода.

Эту функцию выполняет монетаризм, опирающийся не на маржинализм, а на другое ответвление неоклассической теории - количественную теорию денег - и претендующий наряду с некейнсианством на звание позитивной теории. Основу монетаризма составляют разработки чикагской школы, возглавляемой М.Фридменом.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОНЕТАРИЗМА

Современный монетаризм, выросший из количественной теории денег, превратился сейчас в научное направление, в котором изучаются не только денежные феномены, но и широкий круг проблем макроэкономики и экономической политики.

Исходная методологическая установка монетаризма заключается в присущем неоклассическому направлению суждению о том, что современная капиталистическая экономика в принципе характеризуется долгосрочной стабильностью и не нуждается в соответствующем регулировании. С этих позиций М.Фридмен и его сторонники - А.Шварц, К.Бруннер, А.Мельтцер и другие экономисты - подвергают критике представления некейнсианцев, настаивающих на существовании краткосрочной и долгосрочной нестабильности.

Рассмотрим наиболее существенные проблемы, ставшие объектами конфронтации между монетаристами и неокейнсианцами¹⁾. Буквой "а" обозначим позицию чикагской школы, буквой "б" – суждения неокейнсианцев; совокупность "а" даст представление об ортодоксальной монетаристской теории экономической политики.

1а. Денежная политика имеет нестабильные и весьма продолжительные лаги по всем целям и прежде всего по национальному доходу.

1б. Денежная политика имеет краткосрочные лаги по всем целям.

2а. Денежная политика должна подчиняться основному денежному закону, т.е. темп роста количества денег в обращении должен быть равным темпу роста национального дохода в физическом выражении. Отсюда следует, что денежную политику нельзя использовать в качестве инструмента краткосрочной стабилизации.

Монетаристы считают главной причиной великого кризиса 1929–1933 гг., крупномасштабной инфляции 1973 г. и кризиса 1974–1975 гг. неправильное применение денежной политики в целях краткосрочного регулирования.

2б. Предложение денег является инструментом политики. Допустимы широкие пределы колебаний денежной массы в соответствии с изменениями целевых переменных и значениями мультипликаторов.

3а. Фискальная политика должна быть ограничена предоставлением "общественных товаров" в узком смысле, т.е. только "чистых общественных товаров", а также обеспечить другие, минимально необходимые условия для функционирования рыночного механизма. Она не может выступать в виде инструмента долгосрочного регулирования, определять темпы экономического роста.

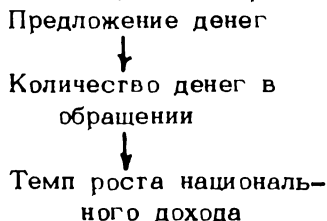
3б. Фискальная политика является равноправным инструментом как краткосрочного, так и долгосрочного регулирования.

1) Ниже показаны далеко не все разногласия, а только имеющие отношение к экономической политике.

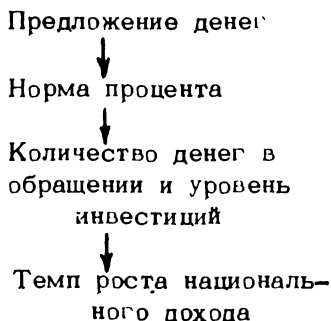
4а. Не существует (теоретического, математического, эмпирического) долгосрочного соотношения между темпом инфляции и уровнем безработицы. Кривая Филлипса имеет вид вертикальной прямой и показывает, что поддержание безработицы на "естественном" уровне необходимо сопровождается постоянным ростом цен.

4б. Есть доказательства существования устойчивого соотношения между темпом инфляции и уровнем безработицы, т.е. традиционная кривая Филлипса сохраняет свою форму.

5а. Связь между денежной политикой и экономическим ростом определяется следующим образом:



5б. Предложение денег и темп экономического роста имеют более сложную связь:



Теперь можно перейти к характеристике содержания этих противоречий.

1. Множество оценок лагров денежной политики на материале послевоенной экономики США показывает, что эмпирические результаты монетаристов полностью согласуются с их теоретическими установками: как указывает Д.Фишер

(19, с.31), лаги колеблются от 6 до 18 месяцев; заключения неокейнсианцев отвечают их представлениям о краткосрочном характере воздействия денежных инструментов — лаги составляют 3–6 месяцев.

Подобные оценки по другим странам также дают противоречивые результаты. Например, в условиях английской экономики мультипликатор "предложение денег — экономический рост" срабатывает в целом через 8,5 месяцев, в том числе сумма первых трех лагов составляет 2 месяца, лаг № 4 — 0,5 месяца, лаг № 5 — 6 месяцев. Таковы результаты, полученные М.Пистоном (50, с.152). Данные расчетов на материале Канады согласуются с неокейнсианскими заключениями. В частности, Р.Купер в статье "Денежная теория и политика в открытой экономике" (12, с.150) отмечает, что если действует система фиксированных валютных курсов, то увеличение количества денег на 1% вызывает рост национального дохода на 4,3 млн.долл. в месяц через 3 месяца и на 4,4 млн.долл. в месяц через 18 месяцев, т.е. денежный мультипликатор имеет постоянную во времени эффективность. Если же существуют гибкие валютные курсы, то соответствующие показатели составляют 63,8 млн.долл. и 19,0 млн.долл. Эти выводы в принципе не отличаются от результатов других исследований, показывающих значительный рост мультипликаторов (особенно денежных) в случае отказа от фиксированных курсов. Видна также высокая краткосрочная эффективность этого инструмента.

Выше было показано, что одной из причин подобных расхождений является несовершенство "автономной" концепции лагов. Вызывает сомнения и обоснованность самого подхода к учету фактора времени с позиции взаимной независимости целей. До тех пор пока будет применяться эта процедура расчетов, результаты будут зависеть от достаточного произвольного выбора количества предпосылок моделей и от такого же толкования их содержания. В итоге вряд ли можно и в будущем ожидать получения надежных выводов, на которых могли бы основываться рекомендации об эффективности денежной политики.

Для анализа лагов необходимо использовать модели кумулятивных динамических мультипликаторов по состоянию

экономики в целом, а не по отдельным элементам целевой функции.

2. Основной денежный закон составляет один из признанных результатов чикагской школы и поддерживается всеми течениями монетаризма.

В то же время именно он подвергается наиболее резкой критике со стороны неокейнсианцев, возглавляемых, пожалуй, ведущим неокейнсианцем США Дж.Тобином. Объектами критики стали жесткие ограничения, накладываемые основным денежным законом на денежную политику, и его аксиоматический характер, ибо монетаризм до сих пор не дал ему надежного теоретического обоснования. В статье "Некоторые вопросы современного состояния монетаристской дискуссии" профессор Калифорнийского университета Т.Майер отмечает, в частности, что пропорциональная связь между изменением предложения денег и динамикой темпов реального экономического роста подается экономистами чикагской школы без объяснений, как "черный ящик" (44, с.69).

Важно отметить следующее: в ходе дискуссии буржуазные экономисты почему-то не обращают внимания на тот факт, что основной денежный закон представляет собой упрощенную и произвольную интерпретацию закона количества денег, необходимых для обращения, открытого К.Марксом примерно за 100 лет до появления работ Фридмена. Нетрудно заметить также, что трактовка монетаризмом основного денежного закона мало отличается от традиционных установок количественной теории денег.

3. В отношении фискальной политики наблюдается известное сближение позиций. Представители левого монетаризма, прежде всего К.Бруннер и А.Мельтцер, пришли к заключению, что сугубо неоклассическое, близкое маргинализму толкование фискальной политики, свойственное ортодоксальному монетаризму, отдаляет его от создания позитивной теории политики и сталкивает на позиции нормативизма. В их работах содержится признание существенной роли фискальной политики как средства воздействия не только на занятость и цены, но и на экономический рост.

4. Критика экономистами чикагской школы всех аспектов концепции кривых Филлипса представляет собой, види-

мо, одно из главных достижений монетаризма. Это объясняется тем, что, во-первых, ряд критических оценок имеет рациональное содержание, соответствует действительности; во-вторых, Фридменом дана концепция стагфляции — явления, которое в принципе нельзя объяснить с помощью неокейнсианских кривых Филлипса.

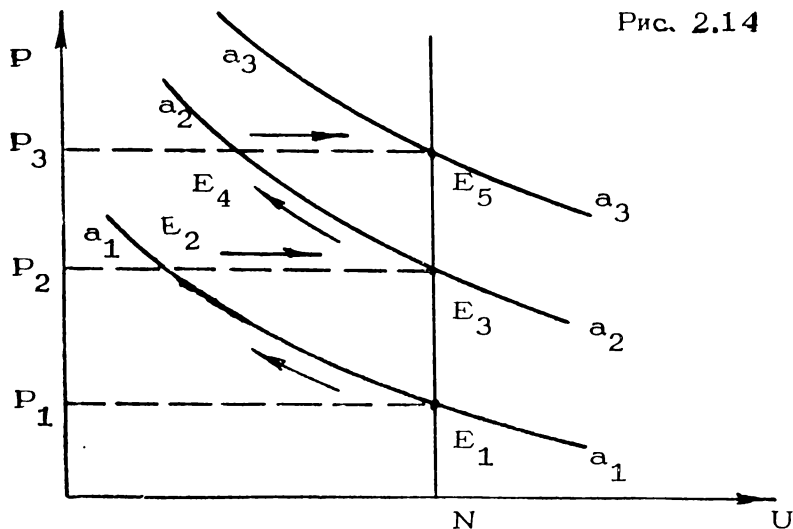
Фридмен справедливо указывает на эмпирическую недо-
стоверность кривых Филлипса, прежде всего долгосрочных, так как в лучшем случае кривая, сохраняя свою форму, занимает в зависимости от выбранного периода времени разное положение на плоскости (P, U) . "...Когда пытались применить ее для других периодов, никогда не получалось хороших результатов. Никто еще не сконструировал подходящую эмпирическую кривую Филлипса для других обстоятельств", — пишет он в "Теории цен" (22, с.221).

Нельзя не согласиться и с другой оценкой: отсутствие эмпирической основы ставит под сомнение теоретическую и математическую версии кривых Филлипса и, следовательно, возможность ориентации политических решений на эту концепцию. Фридмен в работе "Безработица или инфляция? Анализ кривой Филлипса" указывает, что стагфляция, которая не укладывается в традиционную форму кривой, "...делает довольно смешными уверенные заявления многих экономистов о "компромиссных решениях", основанных на эмпирических кривых Филлипса" (23, с.19).

Суть концепции стагфляции Фридмена, поддержанной впоследствии профессором Колумбийского университета Э.Фелпсом, заключается в том, что в долгосрочном плане кривая Самуэльсона—Солоу превращается в вертикальную прямую, причем оптимальная политика должна заключаться в поддержании стабильного уровня занятости, который неизбежно сочетается с ростом цен. Любые иные действия государства не сокращают инфляцию и увеличивают безработицу, т.е. ухудшают состояние экономики, приводят к стагфляции. Иными словами, инфляция — естественна, стагфляция — искусственна, вызывается неверными государственными решениями.

Необходимым условием такого развития является суще-

ствование "непредвиденной" (unanticipated) инфляции, ключевой категории в анализе Фридмена (рис.2.14).



На рис. 2.14 a_1 - кривая Филлипса № 1. Пусть экономика находится в состоянии E_1 . Если происходит "непредвиденная" инфляция вследствие роста предложения денег, то экономика будет смещаться в направлении E_2 по следующим причинам: а) профсоюзы не ожидают "непредвиденной" инфляции, и поэтому из-за действия долгосрочных трудовых соглашений в течение какого-то времени номинальная заработная плата расти не будет; б) отсутствие изменений в уровне заработной платы означает сокращение издержек производства, ибо предполагается постоянный рост производительности труда; в) ввиду снижения затрат увеличиваются инвестиции, расширяется производство, сокращается уровень безработицы.

Допустим, что в точке E_2 занятые в экономике полностью осознают тот факт, что их реальные доходы уменьшились на $(P_2 - P_1)\%$. В этот момент активизируются требования о таком повышении заработной платы, которое, как минимум, не ухудшит материального положения занятых. По Фридмену, во избежание инфляционной спирали такой рост

доходов возможен только при условии пропорционального сокращения занятости, т.е. политика государства должна перемещать экономику в положение E_3 . В дальнейшем подобное развитие повторяется определенное число раз, и в конечном итоге занятость стабилизируется на некотором "естественном" уровне N , которому соответствует достаточно высокий темп роста цен. Инъекции денег и периоды "непредвиденной" инфляции неизбежны, ибо они вытекают из требований основного денежного закона.

Если рассматривать "акселерационистскую" концепцию Фридмена с точки зрения оптимизации экономической политики, то весьма существенными представляются суждения о "естественном" уровне безработицы, который, по существу, равнозначен оптимальному уровню. Фридмен в "Теории цен" определяет этот "неснижаемый" минимум как "такой уровень безработицы, который совместим с естественными реальными условиями рынка труда" (22, с.228).

Эта точка зрения была развита экономистами чикагской школы на основе системы категорий микроэкономики. Как указывает М.Крейнин, если суммировать современные представления монетаристов по этому вопросу, то "естественная" безработица должна определяться предпочтениями рабочих между занятостью (и доходом) и отдыхом (и пособием по безработице) (39, с.47-48).

Математическую интерпретацию "кривой" Фридмена можно получить, например, из синтетической модели А.Хаггера:

$$P(1 - \beta_1 \alpha_2) = \beta_1 \alpha_0 + \beta_1 \alpha_1 U^{-1} + \beta_1 X + \beta_2 S - \beta_1 Q \quad (2.19)$$

В соответствии с экономическим смыслом параметры β_1 и α_2 должны удовлетворять неравенствам $0 < \beta_1 \leq 1$ и $0 < \alpha_2 \leq 1$, и в экстремальном случае $\beta_1 = \alpha_2 = 1$.

Тогда

$$\beta_1 \alpha_0 + \beta_1 \alpha_1 U^{-1} + \beta_1 X + \beta_2 S - \beta_1 Q = 0. \quad (2.21)$$

Из уравнения (2.21) получим "естественный" уровень безработицы:

$$\bar{U} = \frac{\beta_1 \alpha_1}{-\beta_1 \alpha_0 - \beta_1 X - \beta_2 S + \beta_1 Q} \quad (2.22)$$

Если подставить (2.22) в (2.19), то

$$P (1 - \beta_1 \alpha_2) = 0 \quad (2.23)$$

Графически в плоскости (P, U) уравнение (2.23) представляет собой вертикальную прямую.

Другую математическую формулировку долгосрочной "кривой" Фридмена дали английские экономисты Р.Лагам и Д.Пил в статье "Безработица и ускоряющаяся инфляция" (40, с.351-357).

Кривая Филлипса и "кривая" Фридмена составляют два основных варианта поиска оптимальной политики в ситуации с двумя целями - инфляцией и безработицей. Третью концепцию представляют модели, в которых делаются попытки синтезировать оба основных подхода.

Примером ее может служить модель, построенная австрийским экономистом Г.Фишером в работе "Теория инфляции 1964-1975: обзор достижений "второго поколения" (24, с.1295-1296).

$$W = \theta \pi^* + f(u) + \beta \lambda, \quad (2.24)$$

где W - темп роста номинальной заработной платы;

π^* - ожидаемый темп инфляции;

U - уровень безработицы;

λ - темп роста производительности труда;

θ, β - постоянные.

Учитывая, что $\pi = W - \lambda$ (π - темп инфляции), получим $\pi = f(u) + \theta \pi^* - (1 - \beta) \lambda$. (2.25)

В долгосрочном плане $\pi = \pi^*$ и уравнение (2.25) выглядит так:

$$\pi = \frac{f(u) - (1 - \beta) \lambda}{1 - \theta} \quad (2.26)$$

По мнению Фишера, динамика ключевой переменной θ имеет циклический характер: в периоды бума $\theta = 1$, что дает решение Фридмена и подтверждается фактами о сравнительно низкой безработице и росте цен; в прочие фазы цикла $\theta < 1$, что соответствует неокейнсианской концепции.

5. Представления монетаристов о прямой зависимости между предложением денег и темпом реального экономического роста являются упрощенными и вряд ли соответствуют действительности. Экономисты чикагской школы явно недооценивают роль процентной политики и, главное, инвестиционного процесса, реально определяющего динамику экономического развития.

С этой точки зрения их позиция подвергается справедливой критике со стороны неокейнсианцев, примером которой могут служить суждения профессора Лондонского университета В.Чик в статье "Нерешенные проблемы денежной теории: критический обзор" (10, с.55).

Таково краткое содержание политической концепции монетаризма.

Его анализ позволяет ответить на четыре основных вопроса. Каково социальное содержание монетаризма? Являются ли представления чикагской школы об экономической политике третьей основной теорией политики, способной конкурировать с маржинализмом и неокейнсианством? Если это не так, то можно ли рассматривать монетаризм как часть интегрального подхода, объединяющего методологию микроэкономики и макроэкономики? Каково практическое значение этой концепции?

Монетаристская концепция политики представляет собой современный, расширенный вариант количественной теории денег, в котором сохраняются все ее принципиальные установки.

Наиболее явно классовое содержание монетаризма проявляется в "кривой" Фридмена. Лидер чикагской школы предлагает исключительно промонополистический рецепт решения проблем инфляции и занятости, направленный против интересов трудящихся. В виде наилучшей (оптимальной) ситуации им предлагается достаточно высокий уровень безработицы, сочетающийся с постоянным ростом цен.

Исходя из логики "кривой" Фридмена, чикагцы активно выступают против возрастания роли профсоюзов, защищающих экономические интересы занятых, возлагают на них ответственность за краткосрочную инфляцию, как поступает, например, Фридмен в монографии "Безработица или инфляция?..." (23, с.30-31). Эта антирабочая позиция характерна для

современной буржуазной политической экономии, ибо здесь достигается полное единство взглядов между ортодоксальными монетаристами и их ортодоксальными неокейнсианскими оппонентами. Нападки на профсоюзы логически вытекают как из "кривой" Фридмена, так и из неокейнсианской инфляционной спирали.

Следуя неоклассическим установкам и принципам чикагской школы, Фридмен считает в "Теории цен" не только бесполезными, но и вредными любые меры по борьбе с инфляцией, которые будто бы только увеличивают "естественный" уровень безработицы и ведут к стагфляции (22, с.223). Он отмечает, в частности, что "намного больше вреда приносят меры по сдерживанию инфляции, нежели сама открытая инфляция" (23, с.32).

Такое отношение к инфляции и к антиинфляционному регулированию равнозначно исключению относительной стабильности цен из стандартной целевой функции, косвенному признанию неспособности буржуазных государств в принципе решить проблему инфляции. Этому признанию нельзя отказать в реализме. Действительно, ориентация экономической политики в соответствии с интересами монополистического сектора делает инфляцию не только неизбежной, но и неустрашимой.

На второй вопрос следует ответить отрицательно прежде всего потому, что в рамках монетаризма рассматриваются прикладные проблемы экономической политики и, по существу, не затрагивается система категорий. Это означает, что политическая концепция чикагской школы не является общей теорией политики и, следовательно, не может быть альтернативой неокейнсианству и маргинализму.

"Кривая" Фридмена легко выводится из агрегированных моделей типа модели А.Хаггера, уравнения которой опираются преимущественно на неокейнсианство, так как содержат фундаментальную обратную зависимость между темпом инфляции и уровнем безработицы. Такой же вывод можно получить и для других элементов монетаризма, если рассматривать стандартную неокейнсианскую модель национального дохода.

$$Y = E(Y;r) + G, \quad (2.27)$$

$$M = L(Y;r), \quad (2.28)$$

где Y - национальный доход;
 r - норма процента;
 M - объем денежной массы в обращении;
 G - величина государственных расходов.

На основании уравнений (2.27) и (2.28) можно получить стандартные модели денежных и фискальных мультипликаторов, как это делают, например, английские экономисты П.Саундерс и Д.Тейлор в статье "Актуальные вопросы прикладной макроэкономики" (76, с.186-187).

$$\frac{dY}{dG} = \frac{r}{L_r (1 - E_y) + E_r L_y}, \quad (2.29)$$

$$\frac{dY}{dM} = \frac{r}{L_r (1 - E_y) + E_r L_y} \cdot \frac{\partial L}{\partial L}, \quad (2.30)$$

$$L_r = \frac{\partial L}{\partial r},$$

$$L_y = \frac{\partial L}{\partial Y},$$

$$E_r = \frac{\partial E}{\partial r},$$

$$E_y = \frac{\partial E}{\partial Y}.$$

Из уравнений (2.29) и (2.30) имеем:

$$\frac{dY}{dM} = \frac{E_r}{L_r} \cdot \frac{dY}{dG}. \quad (2.31)$$

Уравнение (2.31) отражает соотношение между эффективностью денежной и фискальной политики. Чем больше E_y - эластичность национального дохода в зависимости от изменений нормы процента - по сравнению с L_r - эластичностью денежной массы в зависимости от изменений нормы процента, - тем денежная политика эффективнее фискальной.

В пределе достигается ортодоксальное монетаристское решение ($L_r=0$). В нем воплощаются монетаристские позиции 3а и 5а.

Если фискальная политика полностью неэффективна, то фискальный мультипликатор равен нулю, и преобразование уравнения (2.30) покажет, что динамика национального дохода полностью и прямо зависит от изменения предложения денег:

$$dY = \frac{1}{L_y} dM. \quad (2.32)$$

Таким образом, основные результаты как неокейнсианцев, так и экономистов чикагской школы относительно экономической политики можно вывести на базе обобщенных макромоделей. Это доказывает известную близость методологий неокейнсианства и монетаризма, относящегося, наряду с маржинализмом, к неоклассическому направлению буржуазной политической экономии.

В частности, если рассмотреть методологическую основу "кривой" Фридмена, то сложно заметить существенную разницу между этим подходом и концепцией кривых Филлипса. Фридмен, вполне справедливо отмечая такую слабость кривых, как отсутствие твердой эмпирической базы, констатирует в "Теории цен", что данная проблема сохраняется и для его "кривой". Ненадежность экстраполяции по ней он называет "очевидной статистической задачей" (22, с.229).

Нам представляется, что эта задача не столько статистическая, сколько методологическая: не наблюдается серьезных различий между неокейнсианцами и чикагцами в системах категорий и подходах к изучению проблем инфляции и занятости. Если нехватка эмпирических данных, подтверждающих концепцию кривых Филлипса, вызывает сомнение в ее достоверности и политической пригодности, то эти же сомнения можно отнести и к "кривой" Фридмена.

С практической стороны политические рекомендации монетаристов отличаются рядом характеристик: 1) жесткими ограничениями динамики предложения денег и соотношений между функциями денежной и фискальной политики;

2) применением исключительно косвенных методов государственного регулирования; 3) сужением сферы государственной интервенции по сравнению с неокейнсианскими предложениями; 4) соответствием имеющей давние традиции консервативной экономической идеологии; 5) открытой защитой интересов частного сектора и антирабочей направленностью, которая выражена в суждениях о необходимости постоянной безработицы, роста цен, ограничения функций профсоюзов.

Такая совокупность характеристик обусловила сравнительно невысокую популярность идей Фридмена в политических кругах развитых капиталистических стран Западной Европы.

Иная ситуация сложилась в США. Большинство характеристик практических рекомендаций чикагской школы соответствует особенностям американской экономической и внутриполитической систем, а также традиционной экономической идеологии правящих кругов.

В этом плане представляют интерес расчеты, проведенные американскими экономистами Г.Поттсом (Висконсинский университет) и Д.Лакеттом (Государственный университет Айовы) в работе "Политические цели федеральной резервной системы". В их модели анализируются действия ФРС в годы правления администраций Эйзенхауэра (1956-1961), Кеннеди-Джонсона (1961-1969) и Никсона-Форда (1969-1975) (53. с.530).

Денежная политика ФРС рассматривалась с точки зрения направленности принятых решений в соответствии с четырьмя стандартными целями макроэкономической политики. Поттс и Лакетт полагают, что если решения были связаны со стабилизацией (занятостью и ценами), то в них отразились рекомендации неокейнсианцев, а если с экономическим ростом, то они были основаны на предложениях экономистов чикагской школы.

Приоритеты денежной политики, проводимой ФРС, показаны в табл. 2.1.

Таблица 2.1 (53, с.530)

Цели	Эйзенхауэр	Кеннеди- Джонсон	Никсон- Форд
Занятость	24,6	28,6	57,9
Цены	38,8	23,1	8,6
Экономический рост	28,0	30,6	18,7
Платежный баланс	8,6	17,7	14,8

Можно отметить, что метод, примененный Поттсом и Лакеттом, является весьма условным, ибо, конечно, решения ФРС обусловлены не только склонностью к различным видам теории политики, но и циклическими особенностями воспроизводства, текущим состоянием хозяйственной конъюнктуры и т.д. Тем не менее данные табл. 1 свидетельствуют о весьма значительной популярности монетаризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной буржуазной политической экономии разработка проблем экономической политики осуществляется двумя основными направлениями — маржиналистским и неокейнсианским. Первое из них вместе с монетаристской концепцией образует неоклассическую теорию экономической политики.

Направления различаются своим содержанием, уровнем выполнения социальной и практической функций. Эти различия являются следствием особенностей методологии, которая в свою очередь определяется социально-политическими установками отдельных слоев буржуазии, заинтересованных либо в маржиналистских, либо в кейнсианских, либо в монетаристских рекомендациях в отношении экономической политики. Методологические системы "перекрещиваются", имеют общие свойства, указывающие на принадлежность всех направлений к буржуазной экономической науке. К числу свойств следует отнести внеклассовый подход к буржуазному государству, примат обращения над производством и т.п.

В основе маржиналистской методологии лежит ряд принципов, имеющих аксиомагический характер и определяющих в целом всю теоретическую конструкцию. Это — модель рационального поведения человека в рыночной системе, постулат о зависимости состояния и развития народного хозяйства от субъективных оценок индивидуального благосостояния, подход к буржуазному государству как к органу, предназначенному обеспечивать максимальную свободу рыночному механизму, удовлетворение потребностей в "общественных товарах", измерение и регулирование "внешних воздействий" и др. В маржиналистской теории экономической политики можно выделить два течения: ортодоксальное и левое. В первом из них маржиналистская аксиоматика присутствует в неизменном виде. К нему относятся концепции Пигу, Парето, Векселла, Линдаля, Эрроу и других экономистов. Левый маржинализм, видными представителями которого являются Бергсон, Самуэльсон, Масгрэйв, Сшитовски, Маккин, базируется на собственных вариантах методологических принципов, отличающихся от ортодоксальной трактовки.

С точки зрения содержания в ортодоксальную маржиналистскую теорию политики входят: концепция функции социального благосостояния в вариантах кембриджской школы и Парето, концепция "демократического выбора" Эрроу и паретовская концепция принятия коллективных решений, концепция "чистых общественных товаров", концепция "внешних воздействий" Пигу. Элементами левого маржинализма являются функция социального благосостояния Самуэльсона, патерналистская модель коллективных решений Бергсона-Самуэльсона, расширенная концепция "общественных товаров" Самуэльсона-Масгрэйва, концепция регулирования "внешних воздействий" Маккина.

Современный маржинализм исследует экономическую политику главным образом с помощью математического метода. Он применяется по отношению к основным категориям, вытекающим из методологических принципов, в результате чего предмет маржиналистской теории политики пополняется новыми категориями. Например, функция социального благосостояния есть продукт математических операций с та-

кой фундаментальной категорией маржинализма, как индивидуальная функция полезности.

Так как маржинализм опирается на антинаучные методологические принципы и формальный метод анализа, расширение предмета за счет новых категорий очень редко является позитивным, означает действительное развитие маржиналистских представлений об экономической политике, появление нового знания. Сейчас предмет состоит из экономических категорий, представляющих собой искаженную маржиналистскую форму реальных экономико-политических явлений (например, "общественный товар", "внешнее воздействие" и т.д.), логических категорий Эрроу, этических категорий Бергсона и ложных категорий. Последние получают исключительно формальным путем, и за ними нет никаких реальных явлений. К числу ложных категорий следует отнести понятия теории "оптимума второго порядка", критерий роста социального благосостояния Парето, принципы коллективных решений по Викселлу и т.п.

Подобная структура категорий, а также тенденция к усилению формализации маржинализма являются основными причинами того, что уровень практической функции этой теории невысок. Маржиналистские рекомендации по вопросам экономической политики мало используются в практике государственно-монополистического регулирования.

Неокейнсианская теория экономической политики опирается на методологические принципы, общие для буржуазной политической экономии, некоторые принципы маржинализма и собственные методологические принципы. К последним следует отнести подход к капиталистической экономике как к системе, характеризующейся кейнсианскими макроэкономическими категориями и условиями равновесия, подход к целевой функции как к системе макроэкономических переменных, не входящих в индивидуальные функции полезности или предпочтения, постулат о том, что политические инструменты полностью определяют уровни и динамику целей, и т.д.

В основе неокейнсианской теории политики лежит модель Тинбергена. Она построена на весьма абстрактном

уровне, и усилия кейнсианцев направлены на установление связей между ней и реальной политикой. Эти усилия концентрируются на предпосылках модели Тинбергена, каждая из которых представляет собой научную проблему.

Решения подобных проблем, как правило, осуществляются на уровне абстракции, не позволяющем прямо использовать их в качестве практических рекомендаций. Эти решения имеют, следовательно, собственные системы предпосылок и верны только тогда, когда они выполняются. На таких предпосылках базируются исследования, имеющие более прикладной характер. Таким образом, если модель Тинбергена назвать моделью "первого поколения", то сейчас можно утверждать, что кейнсианцами созданы модели "второго" и "третьего поколений". Например, у Тинбергена есть допущение о том, что на оптимизацию экономической политики не влияет фактор времени. Из этой предпосылки выросла "автономная" концепция лагов — модель "второго поколения". В ней расчет лагов возможен лишь при соблюдении собственных допущений. Тогда концепция кумулятивных динамических мультипликаторов является уже моделью "третьего поколения" и т.д.

В современную кейнсианскую теорию политики входит основная модель Тинбергена, концепция стандартной четырехэлементной целевой функции, концепция "гибких целей" Тэйла, концепция Манделла о дифференциации инструментов по степени их воздействия на цели, кривая Самуэльсона—Солоу и другие элементы.

Систему категорий можно разделить на две группы. В первую из них входят категории, в которых обобщаются традиционные кейнсианские понятия. Это, например, категория цели, обобщающая "полную занятость", стабильность цен и т.д., категория инструмента, категория мультипликатора по Тинбергену. Вторая группа состоит из обычных кейнсианских категорий — предельная склонность к потреблению, сбережения, инвестиции и т.п. Эволюция системы категорий, с помощью которых некейнсианцы характеризуют предмет своей концепции, показывает, что новые категории имеют экономическое содержание и носят преимущественно прикладной характер. Этот процесс является основной причи-

ной использования некоторых кейнсианских рекомендаций при формировании реальной экономической политики буржуазных государств.

Все направления буржуазной теории экономической политики являются составными частями экономической идеологии государственно-монополистического капитализма. Между ними нет принципиальных различий по социальному содержанию. Они отличаются друг от друга тем, что в них по-разному трактуются методы и формы государственно-монополистического регулирования.

Буржуазные теоретики, изучая экономическую политику, игнорируют ее обусловленность объективными экономическими законами, классовой структурой капиталистического общества. Они рассматривают лишь поверхностные формы, в которых проявляется участие государства в хозяйственном механизме. Поэтому гносеологический предел, максимальный результат их усилий, состоит в выявлении формальным путем соотношений между категориями, причем каждая из них дает искаженное представление о сущности экономико-политического явления. Как только буржуазные экономисты пытаются выйти за этот предел, их неминуемо ждет неудача. Подтверждением этому может служить, например, безуспешная попытка обнаружить устойчивую связь (закономерность), характеризующую инфляцию и безработицу, в концепции кривых Филлипса.

Буржуазные социалисты не смогли дать научное объяснение экономической политики. Уровень решения ими экономико-политических проблем невысок, что указывает на кризисное состояние буржуазной политической экономии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Andersen P. The optimum tax structure in the three good one consumer economy. - Swed.j. of economics, Stockholm, 1972, vol.74, N 2, p.185-200.

2. Arrestis P., Frowen S., Karakitsos E. The dynamic impact of government expenditure and the monetary base on aggregate income: The case of four OECD countries, 1965-1974. - Publ. finance, The Hague, 1978, vol.33, N 1/2, p.1-22.
3. Arrow K. The limits of organization. - N.Y.: Norton, 1974. - 86 p. - Bibliogr.: p.81-82. - (The Fels lectures on public policy analysis).
4. Barret N. The theory of macroeconomic policy. - Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972. - X, 406 p. - Библиогр. в конце глав.
5. Benoit E. Growth and defence in developing countries. - Econ. development a.cultural change, Chicago, 1978, vol.26, N², p.271-280.
6. Bergson A. Essays in normative economics.- Cambridge (Mass.): Belknap press of Harvard univ.press, 1966. - IX, 246 p.
7. Boulding K. Economic Analysis. - 4th ed. - N.Y.: Harper a. Row, 1966. - Vol.1. Microeconomics. XXIV, 720 p.
8. Brinner R. The death of the Phillips curve reconsidered. - Quart.j.of economics, Cambridge (Mass.), 1977, vol.91, N 3, p.389-418.
9. Burkhead J., Miner J. Public expenditure. - Chicago, 1973. - X, 346 p. - (Aldine treatises in mod. economics). - Библиогр. в конце разделов.
10. Chick V. Unresolved questions in monetary theory: A critical rev. - Economist, Leiden, 1978, Jg.126, N 1, p.37-60.
11. Cooper R. Economic mobility and national economic policy. - Stockholm: Almqvist a.Wiksell intern., 1974. - 64 p. - (Wiksell lect.; 1973).

12. Cooper R. Monetary theory and policy in an open economy. - Scand.j. of economics, Stockholm, 1976, vol.78, N 2, p.146-163.
13. Current economic problems: The proc. of the Assoc. of univ. teachers of economics, Manchester, 1974. /Ed. by Parkin M. a. Nobay A.R. - Cambridge: Cambridge univ.press, 1975. - XII, 377 p. - Библиогр. в конце статей.
14. Deacon R., Shapiro P. Private preference for collective goods revealed through voting on referenda. - Amer.econ.rev., Menasha, 1975, vol.65, N 5, p.940-968.
15. Denton G. Monetary and economic union in Europe. - Banker's mag., L., 1973, vol.216, N 1552, p.12-16.
16. Desai M. The Phillips curve a revisionist interpretation. - Economica, L., 1975, vol.42, N 165, p.1-19.
17. Deserpa A. Congestion, pollution and impure public goods. - Publ. finance, The Hague, 1978, vol.33, N 1/2, p.68-83.
18. Economics /Ed. by Ruggles N. - Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1970. - VIII, 182 p. - (The Behavioral a.social sciences survey. Economics panel).
19. Fisher D. Monetary policy. - London; Basingstoke, 1976. - 91 p. - (/Macmillan studies in economics/). - Bibliogr.: p.83-91.
20. Fisher S., Cooper J. Stabilization policy and lags. - J. of polit.economy, Chicago, 1973, vol.81, N 4, p.847-877.
21. Frey B., Schneider F. An empirical study of politico-economic interaction in the United States. - Rev. of economics a.statistics, Cambridge (Mass.), 1978, vol.60, N 2, p.174-183.

22. Friedman M. Price theory. - Chicago: Aldine publ.co., 1976. - X, 375 p. - Bibliogr.: p.323-328.
23. Friedman M. Unemployment versus inflation?: An evaluation of the Phillips curve. - L., 1975. - 48 p. (The Inst. of econ. affairs./ Occasional paper, 44/. IEA lecture; N 2). - Bibliogr.: p.47-48.
24. Frisch H. Inflation theory 1963-1975: A "Second generation" survey. - J. of econ. literature, Pittsburg, 1977, vol.15, N 4, p.1289-1317.
25. Fromm G., Taubman P. Public economic theory and policy. - N.Y.; L.: Collier-Macmillan, 1973. - XVIII, 361 p. - (The Macmillan ser. in economics). - Библиогр. в конце глав.
26. Future of the International Monetary System / Ed. by Bosman H.W.J a. Alting von Gesau F.A.M. with contrib. by Bareau P., Barnstein E.M. et al. - Leyden: Sijthoff, 1970. - 180 p. - (/Studies in intern. develop.a.economics. Heath Lexington books/. Publ. of the J.F.Kennedy inst. Center for intern. studies, Tilburg, the Netherlands; N 4).
27. Galbraith J. Military technology: A problem of control. - Prometheus, Wash., 1976, vol.2, N 3, p.40-46.
28. Graaff J., de. Theoretical welfare economics. - Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1957. - X, 178 p.
29. Hagger A. Inflation: Theory and policy. - London; Basingstoke: Macmillan, 1977. - X, 290 p.
30. Hartman D. The use of expected utilities in public goods decision-making under uncertainty. - Publ. finance, The Hague, 1975, vol.30, N 3, p.417-427.

31. Heller H. International monetary economics. - Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1974.- IX, 230 p.
32. The international corporation / Ed. by Kindleberger Ch. - Cambridge (Mass.); London: MIT press, 1971. - VII, 415 p.
33. International economic relations of the Western world 1959-1971 / Ed. by Shonfield A. Publ. for the Royal inst. of intern. affairs. - L.: Oxford univ.press, 1976. - Vol.1. Politics and trade /By Shonfield A.G. a. Curzon V. e.a. - XII, 459 p.
34. International mobility and movement of capital / Ed. by Machlup F., Salant W., Tarshis L. - N.Y., 1972. - XI, 708 p. - (National bur. of econ.research. Universities - Nat. bur. conf. ser.; 24).
35. Intrilligator M. A probabilistic model of social choice. - Rev. of econ. studies., L., 1973, vol.40, N 124, p.553-560.
36. Johansen L. The theory of public goods: Misplaced emphasis? - Oslo, 1976. - 6 p. - (Memorandum from Inst. of economics. Univ. of Oslo).
37. Kennedy M. Recent inflation and the monetarists. - Applied economics, L., 1976, vol.8, N 2, p.145-156.
38. Kraus M., Mohring H. The role of pollutee taxes in externality problems. - *Economica*, L., 1975, vol.42, N 166, p.171-176.
39. Kreinin M. What have we learned or not learned about economic stabilisation policies? - MSU business topics, East Lansing, 1978, vol.26, N 1, p.34-53.

10. Latham R., Peel D. Unemployment and accelerating inflation. - *Economia intern.*, Genova, 1977, vol.30, N 4, p.351-358.
41. Lovell M. Macroeconomics: Measurement, theory and policy. - N.Y.: Wiley, 1975. - XVII, 541 p. - Библиогр. в конце глав.
42. McGranahan D. Development indicators and development models. - *J. of development studies*, L., 1972, vol.8, N 3, p.85-108.
43. Makin J. Macroeconomics. - Hinsdale (Ill.) : Dryden press, 1975. - XI, 533 p.
44. Mayer Th. Some reflections on the current state of the monetarist debate. - *Ztsch. für Nationalökonomie*, Wien, 1978, Bd 38, N 1/2, S.61-84.
45. Modigliani F., Tarantelli E. A generalization of the Phillips curve for a developing country. - *Rev. of econ. studies*, L., 1973, vol.40, N 122, p.203-224.
46. Mosley P. Toward a "satisfying" theory of economic policy. - *Econ.j.*, L., 1976, vol.86, N 341, p.59-72.
47. Musgrave R. Fiscal systems. - New Haven; London: Yale univ.press, 1969. - XIX, 397 p. - (Studies in comparat. economics; / 10/). - Bibliogr.: p.375-389.
48. Nath S. A perspective of welfare economics. London; Basingstoke, 1973. - 73 p. - (Macmillan studies in economics). - Bibliogr.: p.71-73.
49. Negishi T. Excess burden and the voluntary theory of public finance: The case of intermediate public goods. - *Economica*, L., 1975, vol.42, N 166, p.177-182.
50. Peston M. Theory of macroeconomic policy. - Oxford: Allan, 1974. - VIII, 213 p. - Bibliogr.: p.207-210.

51. The political economy of change: Papers pres. to sect.F (economics) at the 1974 ann.meeting of the Brit. assoc. for the advancement of science /Ed. by Alexander K. - Oxford: Blackwell, 1975. - VIII, 189 p. - (Brit. assoc. ser.). - Библиогр. в конце отд. статей.
52. Porter M. Capital flows as an offset to monetary policy: The German experience. - Intern. monetary fund.Staff papers, Wash., 1972, vol.19, N 2, p.395-424.
53. Potts G., Luckett D. Policy objectives of the Federal reserve system. - Quart. j. of economics, Cambridge (Mass.), 1978, vol.92, N 3, p.525-534.
54. Prest A. Public finance in theory and practice. - 5th ed. - L.: Weidenfeld a. Nicolson, 1975. - 448 p. - Библиогр. в конце частей.
55. Problems in public expenditure analysis: Papers pres. at a conf. of experts held Sept.15-16, 1966 / Ed. by Chase S. - Wash., 1968.- XIV, 269 p. - (Brookings inst. Studies of gov. finance).
56. Public economics: An analysis of public production and consumption and their relations to the private sectors. Proceedings of a Conference held by the intern.econ.assoc./ Ed. by Margolis J. a. Guitton H. - L.; N.Y.: Macmillan; St.Martin's press, 1969. - XXII, 574 p.
57. Robbins L. The evolution of modern economic theory and other papers on the history of economic thought. - L.: Macmillan, 1970. - 265 p.
58. Roskamp K. Public goods, merit goods, private goods, Pareto optimum and social optimum. - Publ. finance, The Hague, 1975, vol.30, N 1, p.61-69.

59. Rothenberg J. The measurement of social welfare. - Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1961. - XII, 357 p. - Bibliogr.: p.337-352.
60. Rowley Ch., Peacock A. Welfare economics: A liberal restatement. - L.: Robertson, 1975. - VIII, 198 p. - (York studies in economics. Econ. policies a. social goals). - Библиогр. в конце отд. статей.
61. Samuelson P. Reaffirming the existence of "Reasonable" Bergson-Samuelson social welfare functions. - *Economica*, L., 1978, vol.44, N 173, p.81-88.
62. Sato K. Applications of macroeconomic models in national planning and projections. - *J. of development planning*, N.Y., 1972, N 4, p.36-63.
63. Schachter O. Sharing the world's resources. - N.Y.: Columbia univ.press, 1977. - XI, 172 p.
64. Science and technology in economic growth: Proc. of a conf. held by the Intern.econ.assoc. at St. Anton, Austria/ Ed. by Williams B.R. - London; Basingstoke: Macmillan, 1973. - XVIII, 446 p.
65. Scitovsky T. Welfare and competition: The economics of a fully employed economy. - Chicago: Irwin, 1951. - XVI, 457 p.
66. Wicksell K. Selected papers on economic theory / Ed. with introd. by Lindahl E. - Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1958. - 292 p.
67. Shibata H. Public goods, increasing cost and monopsony: Comment. - *J. of polit. economy*, Chicago, 1973, vol.81, N 1, p.223-230.
68. Sichel W., Eckstein P. Basic economic concepts. - Chicago, 1974. - XXIV, 480 p. - (Rand McNally economics ser.).

69. Silk L. Nixonomics: How the dismal science of free enterprise became the black art of controls. - N.Y.: Praeger, 1972. - IX, 212 p.
70. Studies in economic stabilization / Ed. by Ando A., Brown E., Friedlaender A. - Wash., 1968. - XVI, 299 p. (The Brookings inst. Studies of gov. finance). - Bibliogr.: p.288-294.
71. Taylor J. Monetary policy during a transition to rational expectation. - J. of polit. economy, Chicago, 1975, vol.83, N 5, p.1009-1022.
72. Theil H. Optimal decision rules for government and industry. - Amsterdam: North-Holland publ.co., 1964. - XVII, 364 p. - (Studies in mathematical and managerial economics; Vol.1). - Bibliogr.: p.357-364.
73. Theory of public choice: Political application of economics / Ed. by Buchanan J., Tollison R. - Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1972. - VI, 330 p. - Библиогр. в конце отд. статей.
74. Til R., van. Arrow's impossibility theorem. - Economist, Leiden, 1978, Jg.126, N 1, p.84-115.
75. Tinbergen J. On the theory of economic policy. - Amsterdam: North-Holland publ.co., 1955. - 78 p. - (Contributions to econ. analysis; 1).
76. Topics in applied macroeconomics / Ed. by Heathfield D. - London; Basingstoke: Macmillan, 1976. - X, 230 p. - Библиогр. в конце отд. статей.
77. Turnovsky S. Optimal stabilization policies for deterministic and stochastic linear economic systems. - Rev. of econ. studies, L., 1973, vol.40, N 121, p.79-96.

78. Uhr C. Economic doctrines of Knutt Wick-
sell. - Berkley: Univ. of California press,
1960. - XV, 356 p. - (Publ. of the Inst. of
business econ. research Univ. of California).-
Bibliogr.: p.338-349.
79. Wade L., Curry R. A logic of public policy:
Aspects of political economy. - Belmont (Cal.):
Wadsworth, 1970. - XI, 147 p.

А.ЯЛившиц

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Научно-аналитический обзор

А - 09425

Сдано в набор 26/УП-80 г. Подписано к печати 29/Х-80 г.
Формат 60x84/16

Печ.л. 8,5

Уч.-изд.л. 5,8

Тираж 2000 экз.

Заказ № 7025

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/45.
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр.,403.

042(02)9

